

Аврора Код любви 404

Злюся Романова

18+

Злюся Романова

Аврора код любви 404

<https://litres.ru/74246922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша всегда считал себя человеком с железной логикой и не менее железными нервами. Его жизнь была как отлаженный код. До той роковой минуты, когда в его жизнь ворвалась ОНА.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	82
Глава 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Злюся Романова

Аврора код любви 404

Глава 1

Булочка, Олимпиец и мужские плавки

Аврора

Я стою перед зеркалом и в который раз убеждаюсь: мой старый купальник — это не предмет гардероба, а орудие пыток. Он впивается в тело с таким усердием, будто я ему лично должна деньги, причем с процентами. Моя попа в этих плавках напоминает перетянутую бечёвкой колбасу — та же аппетитная форма, только вот откусывать почему-то никто не спешит. Видимо, все боятся подавиться.

Я кручусь перед зеркалом, как белка в колесе, но чем больше верчусь, тем больше понимаю: этот абонемент в бассейн — самое глупое решение после того, как я в десятом классе покрасила волосы в черный цвет «чтобы не выделяться». Ох, как же я ошиблась! Я выделилась, да еще и так, что целый месяц училась на дому, пытаюсь ликвидировать последствия химической катастрофы на своей голове.

А виной всему — Петька-дурак. Ну серьезно, кто дал ему право после перевода в московский гуманитарный считать себя богом троллинга? Вчера он умудрился не только схва-

тить меня за пятую точку, но и ляпнуть: «И какая же начинка, интересно, у этой булочки?»

Я, конечно, не осталась в долгу — треснула его по пустой голове сумкой (надеюсь, учебник по психологии, который лежал у меня внутри, насытил его мякиш мудрыми мыслями). Но победа была недолгой. Вечером пришлось заливать стыд эклерами с творожным кремом. «Ну хоть белки...» — пыталась я себя утешить, пока вилка не упёрлась в дно коробки.

Я — девушка «в теле», если говорить политкорректно. Ну или «сбитый танк», если почестному. 42-й размер? Ха, в моих мечтах! Зато у меня есть всё, что нужно для счастья: грудь, попа, ноги... Правда, всё это щедро приправлено жирком, который я регулярно клянусь сжечь в спортзале. Но потом наступает вечер, холодильник начинает петь серенады, и... «Ну ладно, завтра точно начну!»

Моя кожа — белая, в веснушках. Их так много, что, если соединить, получится карта звёздного неба. В детстве я мечтала, что они сольются в загар, но нет — я так и осталась «человеком-созвездием». Лицо — круглое, милое, даже когда худею на два кило (а это если очень постараться и неделю не смотреть в сторону пельменей). Мои щеки упорно скрывают от мира прекрасные скулы, которые, должно быть, у меня есть. Где-то. Под слоем милоты. Волосы — рыжие, кудрявые, и, если их не укрощать тоннами бальзамов, они торчат, как будто я только что пережила встречу с Теслой.

Глаза — голубые, большие, «умные» (ну, я хотя бы умею делать вид). Но даже они бессильны против сегодняшнего образа: шапочка для плавания делает мою голову похожей на лысый мячик, а огромные круглые очки завершают образ «инопланетянина, который случайно попал в раздевалку бассейна».

Главное — чтобы сегодня кроме меня никто не захотел поплавать. Администратор заверила, что в это время редко кто-то приходит. Но Вселенная, как всегда, решила подкинуть мне сюрприз.

На второй дорожке вовсю орудовал какой-то спринтер. Этот человек работал руками и ногами с такой скоростью, будто готовился к олимпиаде, а бассейн — его личный полигон для тренировок.

Я решила побыстрее залезть в воду, пока он не заметил мои аппетитные формы, перетянутые купальником. Хотя, если честно, привлечь его внимание было сложнее, чем объяснить бабушке, что «инстаграм» — это не болезнь.

Осторожно спуская свою тушку по лестнице (процесс напоминал разгрузку дивана из грузовика), я коснулась воды кончиком пальца.

Холодная!

Брррр! Я вообще-то теплолюбивое создание — летом хожу в шерстяных носках, а зимой сплю в трех пижамах. Но делать нечего — собрала волю в кулак (и все остальное, что торчало из купальника) и одним решительным прыжком нырнула в

воду.

Тут же покрылась мурашками. Не теми романтичными, что от взгляда любимого, а теми, что обычно бывают у ошипанной курицы.

Я начала плыть.

Точнее, изображать стиль «раненая морская кошка» – активно бултыхаясь и создавая волны, каких не видел даже «Титаник». Доплыла до волногасителя (в простонародье — разделитель дорожек) и повисла на нем, как медуза на рифе.

«Ну, Аврора, ты молодец!» – мысленно похвалила себя. «Целых два метра! Это же почти как марафон... только короче... намного короче...»

Таким вот стилем «тонущего бегемотика» я преодолела невероятные 25 метров. Когда доплыла до конца, дышала как паровоз «Черепановых» на подъеме. Из ушей, наверное, действительно шел дым – хорошо хоть гудка не было.

А олимпиец на соседней дорожке так и не заметил моего подвига. Или сделал вид. Что, впрочем, даже к лучшему – мои «заплывы» явно не для слабонервных.

Время моего позора подошло к концу. Олимпиец (ну не могу же я называть его просто "парень", когда он выглядит как живая реклама спортивного питания) грациозно подплыл к бортику и одним движением выскочил из воды.

Я замерла, как вкопанная, выпустив серию восхищенных: "Ох!.. Ах!.. И еще раз ох!.."

О МОЙ ГАД!

Передо мной стоял не человек — а ожившая греческая статуя!

Он был высоким — под метр девяносто, не меньше. Подтянутый, с рельефными мышцами, которые явно появились не от поедания пельменей перед телевизором. В отличие от тех качков, что похожи на перекачанные воздушные шары, в этом парне всё было... правильно. Плечи — широкие, словно созданные для того, чтобы на них опираться (мечты-мечты). Пресс — да он у него был! И не просто намек на кубики, а полноценная «стиральная доска», на которой, наверное, можно было бы постирать мои комплексы. Ноги — длинные, сильные, с икрами, которые могли бы посоревноваться с моей волей к жизни (и, скорее всего, победили бы).

Лицо — с четкими чертами, слегка загорелое, со светлыми глазами, в которых читалась уверенность и непоколебимое спокойствие.

Он медленно проходил мимо, а я уставилась на него, как кот на открытую банку тунца. Решила переждать, пока он не скроется в душевой — ну не вылезать же мне при таком Аполлоне, демонстрируя все прелести своего «купальника-предателя»!

Когда дверь в мужской душевой захлопнулась, я торжественно проплыла свои последние метры (стиль «уставший дельфин») и выкарабкалась из воды.

«Я — молодец! Сто метров за целый час!» — мысленно похвалила себя. «Наверное, килограмм точно сбросила... Или

это просто вода испарилась?»

Медленно (очень медленно) поплелась к женской душевой, стараясь не упасть. Ноги дрожали, как студент на экзамене по высшей математике.

«Я могу! Я умею! Я... о боже, кто это?!»

Из мужской душевой как раз выходил Тот Самый Олимпиец.

Моя первая мысль — прыгнуть обратно в бассейн. Даже не спускаться по лестнице, а именно прыгнуть с разбегу, как в фильмах про Love story. Только в таких фильмах героини, обычно воздушные и стройные, эффектно ныряют в воду, а вокруг разлетаются изящные брызги. В моем случае это скорее напоминало бы падение метеорита (75 кг чистого удовольствия при росте 164 см) и создало бы не брызги, а полноценное цунами.

Парень (да, при ближайшем рассмотрении это определенно был молодой парень, лет 20 или чуть больше) даже не посмотрел в мою сторону. Спокойно подошел к пластиковому стулу, поднял забытый браслет-ключ...

И тут началось самое интересное.

Моя нога вдруг решила, что сегодня — отличный день, чтобы попробовать новый танцевальный стиль. Я замахала руками, как мельница во время урагана, пытаясь удержать равновесие. В панике мои конечности сами собой потянулись к ближайшей опоре...

Которая оказалась... его плавками.

ВСПЫШКА!

Я застыла в позе не то рыцаря, делающего предложение, не то пьяного енота — на одном колене, с руками, вцепившимися в эластичную ткань мужского белья. А передо мной... о боже... передо мной были самые идеальные ягодички, которые я когда-либо видела без экрана телевизора.

"О МОЙ ГАД..." — прошептала я, отпуская плавки с такой скоростью, будто они были раскаленными.

— Что за ***?! — раздался сверху мужской голос.

"Это не ***, это просто я!" — хотелось ответить, но язык прилип к нёбу.

Парень медленно повернулся (о да, вблизи он выглядел еще шикарнее), а я, не найдя ничего лучше, закрыла лицо руками, как страус, закапывающий голову в песок.

Через щель между пальцами я видела, как его лицо отображало такую гамму эмоций, что комплексы до конца моих дней мне обеспечены.

— Извините... — прошептала я так тихо, что даже комар бы не расслышал.

Олимпиец что-то пробормотал (надеюсь, это были слова прощения, а не угрозы подать в суд), натянул плавки на свои божественные ягодички и быстрым шагом удалился в мужскую душевую.

Я застыла на месте, будто выросла в скользкий кафель. В голове пульсировала одна навязчивая мысль: "Провались сквозь землю! Немедленно!". Жаль, плиточный пол не спе-

шил разверзаться под моими ногами, обрекая на мучительное существование в мире, где я только что устроила цирковое представление с элементами стриптиза.

Голоса вновь прибывших посетителей вывели меня из ступора. Медленно, как приговорённая к казни, я поплелась к женской душевой. Каждый шаг давался с трудом - ноги будто налились свинцом от осознания совершенного "преступления". Если бы существовала Нобелевская премия по неуклюжести, сегодня я бы гарантированно её получила.

Поймав в зеркале своё отражение, я едва сдержала смех. Волосы, вырвавшиеся из-под шапочки, торчали хаотичными пучками, как у Эйнштейна после особенно удачного эксперимента. Лицо было красным — то ли от горячей воды, то ли от стыда.

— Ну что, Аврора, — прошептала я, разглядывая это жалкое зрелище, — сегодня ты не просто упала. Ты упала с размахом, с грацией раненого бегемота и последствиями в виде травмированного мужского самолюбия.

На прощание администратор бросила обнадеживающее: — Завтра ждём! В это время обычно народу мало!

Я ответила напряжённой улыбкой, мысленно добавляя: "Мало народу... если не считать того Олимпийца, который теперь наверняка будет плавать в гидрокостюме».

Саша

Я замер в полуприседе, будто готовился к стартовому прыжку, когда вдруг почувствовал, как чьи-то цепкие паль-

цы впиваются в резинку моих плавков. Мой обычно молниеносный спортивный мозг дал сбой. Реальность оказалась слишком беспощадной. Я буквально кожей ощутил, как прохладный воздух бассейна касается мест, которые по всем законам физики и приличия должны оставаться неприкосновенными. В глазах потемнело.

Я, в прошлом капитан сборной по плаванию МГТУ им. Н.Э. Баумана, человек, способный задержать дыхание на три минуты и проплыть стометровку баттерфляем за 56 секунд, сейчас стоял парализованный, пока какой-то бессмертный снимал с меня плавки в общественном бассейне!

Мои обычно подкачанные ягодицы непроизвольно сжались до состояния переспелых грецких орехов.

— Что за ***?! — мой голос неожиданно сорвался на писклявый фальцет, и я почувствовал характерный хлопок резинки по коже.

Повернулся. Передо мной на одном колене сидела девушка в резиновой шапочке, из-под которой торчали антенны волос. Ее аппетитные формы сейчас выглядели особенно вызывающе, а лицо было надежно спрятано за ладонями.

По телу разлилась волна жара. Я, человек с репутацией "железного спокойствия", в этот момент готов был совершить убийство. Причем именно этой конкретной девицы.

Мозг с компьютерной точностью выдал план действий:

Немедленно удалиться

Сменить все документы

Эмигрировать в Китай

Но ноги отказались слушаться. Я стоял как вкопанный, чувствуя, как уши раскаляются до температуры плавления свинца.

Еле слышное "извините" добило окончательно. Не дожидаясь продолжения, я стремительно зашагал к мужской душевой, где намеревался смыть этот позор.

Глава 2

Тортик с подвохом, или Как бабуля продала меня в IT-рабство

Аврора

Дорога от бассейна до дома растянулась в бесконечность. Я плелась, волоча за собой спортивную сумку — ту самую, купленную в порыве вдохновения перед началом "новой жизни". Ирония судьбы: на сумку денег не пожалела, а на приличный купальник зажала.

Мысли метались:

"Может, перейти на зумбу? Или йогу? В тренажерный зал..."

Я уже рисовала в воображении идеальную картинку: я, такая вся спортивная, в обтягивающих лосинах (которые, конечно, волшебным образом скроют все лишнее), с модной повязкой на лбу (потому что "я же потею, я ж занимаюсь!"), грациозно шагаю на эллипсоиде...

Поднимаясь на третий этаж, я мысленно готовилась к бабушкиному допросу. Наша квартира встретила меня знакомым ароматом чабреца и старых книг — запахом детства и уюта. В прихожей, как всегда, царил творческий хаос: венок из сухоцветов (бабушкин hand-made), стопка газет "Общество и Экология" (ее бывшее место работы), и вечно падающая вешалка, которую мы уже лет десять собираемся почи-

нить.

Бабушка, как и ожидалось, сидела за своим древним ноутбуком, яростно стуча по клавиатуре. Ее серебристые волосы были собраны в небрежный пучок. На носу — очки в черепаховой оправе, которые она то снимала, то надевала в зависимости от настроения. Сегодня они съехали на самый кончик носа, это означало, что «Зоя Фёдоровна в ярости, но пока держит себя в руках». На экране мелькали фотографии очередного нарушителя — судя по всему, кто-то осмелился выбросить пакет с мусором не в тот контейнер.

— Аврора, ты? — не отрываясь от экрана, бросила она. — Как бассейн?

Я попыталась проскользнуть в комнату, изображая невинность:

— Нормааально...

Бабушка резко подняла голову. Ее взгляд — смесь орлиной зоркости и материнской интуиции — пронзил меня насквозь.

— Подойди сюда.

Я подошла, чувствуя себя преступником, пойманным с поличным.

— Что случилось? — она сняла очки (плохой знак).

— Ничего страшного...

— Аврора Евгеньевна, — голос бабули приобрел опасные нотки, — я тебя воспитывала двадцать один год. Ты думаешь, я не вижу, когда ты врешь?

Я плюхнулась на стул с таким видом, будто меня только что приговорили к расстрелу.

— Я... э-э-э... чуть не сняла с парня плавки в бассейне.

Тишина.

Бабушка медленно отодвинула ноутбук, сложила руки на груди:

— Рассказывай. В деталях.

Когда я закончила свою исповедь, бабушка... расхохоталась.

— Ну что ж, внучка, — вытирая слезы, сказала она, — видимо, ты унаследовала не только мою любовь к природе, но и талант устраивать скандалы.

Я надула щеки до состояния перекормленного хомяка, пытаюсь изобразить максимально возможную степень обиды:

— Бабуль, это не смешно!

Бабушка, не переставая хихикать, поднялась из кресла с грацией двадцатилетней гимнастки. Ее смех напоминал потрескивание дров в камине — теплое и немного хрипловатое.

— Очень даже смешно! — провозгласила она, разглаживая складки на своих брюках. — Вот что мы сделаем... — она сделала театральную паузу, — мы пойдем на кухню и устроим настоящее чаепитие с медовым тортом!

Я невольно облизнулась. Бабушкино фирменное оружие — "стыд нужно заедать" — было проверено годами. Хотя, украдкой взглянув в зеркало в прихожей, я начала сомне-

ваться в эффективности этого метода. Мое отражение безжалостно напоминало, что после таких "терапий" мои щеки становятся еще круглее, а глаза — еще больше, превращая меня в подобие совенка, объевшегося конфетами.

Кухня встретила нас уютным хаосом и божественными ароматами. На столе уже стоял старый фарфоровый сервиз с изображением васильков — семейная реликвия, которую бабушка берегла как зеницу ока. Воздух был наполнен терпким запахом чая с чабрецом и сладковатым ароматом свежеспеченных медовых коржей, между которыми прокрадывались тонкие нотки вареной сгущенки.

Бабушка засуетилась между холодильником и столом. Несмотря на свои семьдесят, она двигалась с удивительной легкостью. Ее стройная фигура в светлых льняных брюках и просторной футболке, мелькала по кухне, как юркая ящерица.

— М-м-м, — я с наслаждением потянула носом, чувствуя, как слюнки предательски наполняют рот. — Вкуснотища! Прямо как в детстве!

Бабушка, ставя передо мной чашку с дымящимся чаем, неожиданно завела разговор:

— Кстати, твои родители звонили. Опять. — Она сделала паузу для драматического эффекта. — Говорят, у них открылась новая чакра. Какая-то там... — она махнула рукой, — фиолетовая, кажется.

— Поздравляю их, — вздохнула я, смакуя первый кусочек

торта, который буквально таял во рту.

— Они спрашивали, не хочу ли я присоединиться к ним в Тибете. Насовсем.

Я замерла с вилкой на полпути ко рту:

— И... что ты ответила?

Бабушка хмыкнула, наливая себе чай:

— Сказала, что у меня тут своя миссия — следить, чтобы ты не развратничала в бассейнах. — Она прищурилась. — Хотя если серьезно — очень хочется съездить. Я ведь в Тибете никогда не была. Представляешь, какие там могут быть экологические проблемы? Целый новый фронт работы!

— Бабуля, но тебе уже семьдесят! — вырвалось у меня.

— И что? — Она подняла бровь. — Думаешь, мне пора не в Тибет, а в бюро ритуальных услуг? Или ты уже присмотрела мне местечко на погосте?

— Нет, что ты! — я чуть не поперхнулась чаем, представляя, как бабуля дает нагоняй ангелам за неправильную сортировку облаков.

— Вот и я думаю, — продолжала она, смакуя свой чай, — лучше в Тибет съездить, чем по второму адресу. Хотя... — ее глаза заблестели, — перед отъездом мне нужно устроить тебя на работу. Чтобы бездельничать не начала.

— М-м-м, — продолжала я жевать лакомство, стараясь не обращать внимания на последнюю фразу. — Бабушка, тортик и чай просто обалдеть!

— Кушай, Аврорушка, — ласково приговаривала бабуля,

но в ее глазах читался явный подвох. Этот взгляд я знала с детства — обычно он предвещал либо генеральную уборку, либо что-то похуже.

Она отставила чашку с тарелкой в сторонку, сложив руки на столе в характерном "деловом" жесте, и начала:

— Я вот еще о чем хотела с тобой поговорить...

— Еще?.. — Я настороженно перестала жевать, чувствуя, как в животе образуется холодный комок. Глаза бабули сверкали тем самым "блеском авантюризма", который обычно предвещал неприятности масштаба цунами.

— Вчера случайно столкнулась с Натальей Петровной - моей старой подругой еще по работе в газете "Экология и жизнь". — Она сделала паузу, чтобы подлить мне чаю. — Она, как и я, борется за чистоту... — тут бабуля многозначительно подмигнула, что в ее исполнении означало "тоже строчит жалобы на всех и вся". — Так вот, у ее соседки есть внук...

"Чего?.." — мелькнуло у меня в голове, а кусок торта внезапно потерял вкус.

— ...который ищет смышленного стажера. А ты как раз ищешь себе работу на лето...

— Бабуля, подожди, — я подняла руку, как школьница, просящая слова. — Какого стажера?

— стажера системного администратора, — невозмутимо ответила бабушка, будто предлагала мне подработать официанткой.

Кусок торта застрял в горле. Я закашлялась, а бабушка "помогла", стукнув меня по спине с такой силой, что хрустнули позвонки и, кажется, перезагрузилась операционная система моего мозга.

— Какой еще стажер системного администратора?! — прохрипела я, хватая чашку, чтобы запить этот кошмар. — Я же гуманитарий чистой воды! Будущий журналист! Из всех компьютерных программ знаю только как: включить Word, запустить YouTube и перезагрузить ноут, когда он зависнет. Это вся моя техническая квалификация!

— Ничего, разберешься, — махнула рукой бабушка с беспечностью человека, который только что подписал мне смертный приговор.

— Нет-нет-нет! — я замахала руками, как мельница. — Я не хочу нового позора! После бассейна мне хватит на год вперед!

Но бабуля уже разошлась не на шутку:

— Это прекрасная возможность! — воскликнула она с энтузиазмом телепродавца. — Где еще студентке найти временную работу в солидном месте? Во "Вкусно — и Почка"? — она повысила голос до опасных децибелов. — А тут тебе и стаж к диплому будет, и деньги... И вообще, — добавила она, понизив тон до конспиративного шепота, — говорят, внук симпатичный. Холостяк.

Я накрыла голову руками, представляя, как моя жизнь превращается в плохой сериал. Да что же это такое... Меня

продали. Причем мой сутенер — родная бабушка! В голове уже рисовались картины: я, беспомощная жертва, в окружении серверов и проводов, а какой-то мужик орёт: "Ты что, вообще не дружишь с мозгами? Это же элементарный Outlook!"

— Когда у тебя сессия заканчивается? — прервала мои страшные фантазии бабушка.

— Завтра последний экзамен... — пробормотала я, чувствуя себя подсудимой на суде.

— Отлично! — бабушка потерла руки с видом заговорщика, готовящего государственный переворот. — Значит, в понедельник в 11:00 ты будешь... — она протянула мне мятый листок, явно вырванный из старой телефонной книжки, — вот по этому адресу.

На бумаге, помимо адреса, красовались каракули, больше похожие на древние руны:

"Ломов Александр Сергеевич"

Я вздохнула так глубоко, что, кажется, втянула в себя всю атмосферу кухни. Похоже, моя жизнь только что сделала новый вираж — от "позора в бассейне" к "каторге в IT". А вишенкой на торте (который я теперь ела с явно горьким послевкусием) стало осознание: бабуля подсунула этот торт не просто так. Это была взятка. И я ее уже приняла. Теперь придется отрабатывать.

"Ладно, — подумала я, с тоской глядя на последний кусочек лакомства, — может, этот Ломов окажется не таким уж

страшным... Или хотя бы будет носить очки — умные люди
обычно добрее..."

Глава 3

Опасные игры

Саша

Я вылетел из душевой, как ошпаренный. Полотенцем едва промокнув тело, натянул одежду на мокрую кожу. В зеркале мелькнуло моё перекошенное лицо с мокрыми волосами, торчащими в разные стороны, — настоящий образец делового вида. "Сашка Ломов, подающий надежды сисадмин, после неожиданного стриптиза", — мысленно подписал я этот портрет.

Бросил вещи в сумку, даже не пытаясь аккуратно сложить. Чёрт, а я ведь обычно дотошный перфекционист! Но после того, как эта бестия... Ладно, лучше не вспоминать.

Вышел на парковку. Мой серебристый Hyundai Sonata терпеливо ждал на почти пустой парковке. Сел, захлопнул дверь, резко завёл машину. В салоне пахло автомобильным освежителем с ароматом "морской свежести" — ирония судьбы, учитывая сегодняшние события.

Дорога до офиса заняла ровно 15 минут — без пробок, что было редкой удачей для Москвы.

Проходная встретила меня тишиной. На часах было начало девятого - этот волшебный час, когда основная армия офисных работников еще только завтракает или стоит в утренних пробках. Лишь через час здесь начнется привыч-

ный утренний ад из спешащих людей и звуков пропускного турникета.

Петрович на посту привычно кивнул:

— Хорошего дня, Александр Сергеевич.

Его взгляд на мгновение задержался на моих взъерошенных волосах, но я уже спешил к лифту, не дав возможности для вопросов.

Кабинет на 18 этаже давно стал моей второй крепостью. Не пентхаус, конечно, но и не клетушка — золотая середина для системного администратора. Г-образный стол, будто специально созданный для того, чтобы завалить его техникой: слева — стационарный монстр с тремя мониторами, справа — скромный служебный ноутбук. Половина документов покорно лежала в лотках, вторая половина — в том самом "творческом хаосе", который я гордо называл системой.

Мягкое свечение соляной лампы — этого бабушкиного "убийцы микробов" — создавало уютную атмосферу, контрастируя с холодным светом мониторов. Рядом мирно жужжал принтер, соседствуя со старым добрым стационарным телефоном и современным смартфоном.

Я потянулся к шкафу, где среди верхней одежды висели запасная рубашка и брюки. Быстро переодевшись, принялся за привычный ритуал: три ложки кофе, кипяток, глубокий вдох аромата. Кресло с покорным скрипом приняло меня в свои объятия, автоматически подкатившись к столу.

В углу скромно притаилась дверь в серверную — царство вечного гула и мигающих лампочек. Рядом располагалось рабочее место для будущего стажера: скромный столик, тумбочка с чайником, банкой кофе и уже приоткрытой пачкой печенья.

Я открыл папку с документами, сделал первый глоток кофе... Но через двадцать минут папка была забыта, кофе остывал в кружке. Мысли упрямо возвращались к одному и тому же.

Я схватил телефон. Пальцы сами набрали роковой номер. После третьего гудка:

— Да? — тот самый голос, от которого перехватывает дыхание. Низкий, с лёгкой хрипотцой, будто она только что проснулась... или не спала вовсе.

— Хочу увидаться, — выдавил я, ненавидя себя за эту слабость.

Пауза.

— Хорошо. Днём зайду, — и отбой.

Швырнул телефон на стол. Чёрт возьми! Всего три слова — а сердце колотится, как у подростка перед первым свиданием. В груди странное ощущение — смесь предвкушения и чувства вины.

Карина. 37 лет. На пятнадцать лет старше. Мы познакомились год назад, когда она пришла читать нам, студентам-четверокурсникам, политологию. С ее стороны это была временная помощь бывшему университетскому другу — ны-

нешнему декану факультета информатики и системы управления. Как оказалось позднее, она работала консультантом в крупной IT компании. Об этом я узнал в мае, когда еще до получения диплома приходил на собеседование.

Её муж — заместитель начальника юридического отдела в этой же компании. Узнал я об этом случайно, увидев их в машине: она поправляла ему галстук, а он целовал её пальцы. Романтично, чёрт возьми. Особенно когда понимаешь, что сам целовал эти же пальцы накануне.

Закрыв глаза — и сразу её образ. Высокая, под метр семьдесят, в туфлях на острой шпильке. Фигура, от которой скулы сводит — не модель, но... Та самая женственность, которую не скроешь даже под строгим костюмом. Каштановые волосы до плеч — всегда безупречно уложенные. Глаза — карие, почти черные. Когда злитесь — становятся как арктический лёд. Когда страсть — как тропический шторм.

А её руки... Длинные пальцы пианистки с безупречным маникюром. Как они... Чёрт, хватит!

Резко встал с кресла и подошёл к панорамному окну. Москва раскинулась внизу — люди, машины, жизнь. А у меня в голове один вопрос: как я дошёл до жизни такой?

Всё началось с нелепого комплимента в деканате. Её парфюм — грейпфрут и корица. Смех, кофе, а потом... Потом я потерял голову.

Взглянул на часы. До её прихода — 4 часа. До совещания — 30 минут. Время тянулось невыносимо медленно.

Беру телефон. Раз в два дня звоню бабушке — железное правило.

— Алло? — тёплый голос наполнил трубку.

— Привет, бабуль. Как дела? Как здоровье?

— Всё хорошо, Сашуль.

— Таблетки не забываешь пить? — спрашиваю, зная ответ заранее.

После удаления щитовидной железы бабуля вечно забывает о гормонах. Её больше волнует пристроить меня "в крепкие женские руки", чем собственное здоровье. Хотя, если бы она знала, в какие "руки" я уже попал...

— Сашуль, смеситель течёт, может заедешь, посмотришь?

— Сегодня вечером заскочу.

— Заскочи, мой хороший. Ой, Зоя Фёдоровна на второй линии... Пока, внучок!

Звонок прервался.

Тут напоминание на телефоне: до совещания 15 минут. 3 часа 45 минут до встречи с Кариной, до рая и ада одновременно.

Конференц-зал на 25-м этаже был заполнен наполовину. Я занял своё привычное место у проектора — техническая поддержка должна быть начеку. Директор по IT, Михаил Юрьевич, монотонно бубнил о квартальных показателях, пока мой взгляд непроизвольно скользил к юридическому отделу.

Он сидел во втором ряду — Сергей Михайлович, замести-

тель начальника юридического. Аккуратная седина у висков, дорогой костюм, привычка покручивать обручальное кольцо, когда задумывается.

— Александр Сергеевич, — резко окликнул меня Михаил Юрьевич, — вы подтверждаете сроки миграции серверов?

Я вздрогнул, будто пойманный на месте преступления:

— Да, к 15 июня все будет готово.

В этот момент дверь зала открылась. Карина вошла, немного опоздав. Её каблуки цокали по паркету, будто отбивая такт моего учащенного пульса. Строгий синий костюм, красная помада, томный взгляд — достаточно, чтобы мое воображение начало рисовать неприличные картинки. Она села рядом с мужем, даже не взглянув в мою сторону.

Следующие сорок минут превратились в самую изощренную пытку. Я стоял у проектора, будто прикованный, наблюдая, как его пальцы небрежно рисуют круги на её колене. Как она наклоняется к нему, губы почти касаются его уха - и я знал слишком хорошо, какие слова она может шептать. Как он улыбается в ответ, не подозревая, что эти же губы ещё несколько дней назад оставляли следы на моей шее.

Каждый их жест, каждый взгляд бил по нервам, заставляя сжимать зубы. Я представлял, как её пальцы впиваются в мои плечи вместо его плеча, как её дыхание становится чаще, когда мои губы находят то чувствительное место за ухом, о котором знаю только я. Только я знал, как она закусывает губу, когда я... Нет. Эти мысли нужно было гнать прочь. Но они

возвращались снова и снова, превращая каждую секунду в испытание.

Я переводил взгляд на слайды презентации, но цифры расплывались перед глазами. Единственное, что я видел четко - её пальцы, играющие с цепочкой на шее. Ту самую цепочку, что я подарил...

Когда совещание наконец подошло к концу, я выскочил из конференц-зала так стремительно, что чуть не сбил с ног специалиста из отдела кадров. Сердце бешено колотилось, будто я только что пробежал марафон, а не отсидел сорок минут в душном зале. Ноги сами несли меня по коридору, обгоняя неторопливо бредущих коллег.

Лифт ехал невыносимо медленно, и я уже подумывал рвануть по лестнице, когда двери наконец раздвинулись. Ворвавшись в кабинет, я швырнул папку с бумагами на стол и упал в кресло, пытаясь перевести дыхание.

Часы на стене тикали с издевательской неторопливостью. Каждая минута растягивалась в вечность. В голове стучало только одно: "Когда же она уже придет?". Взгляд то и дело скользил к часам, затем к двери, снова к часам...

Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки - в кабинете вдруг стало невыносимо душно. Пальцы сами собой потянулись к телефону, но я одернул себя - нет, лучше не писать. Нужно просто ждать.

И ждать.

И ждать...

Каждая секунда этого ожидания казалась пыткой, но одновременно в груди теплилось сладкое предвкушение - скоро. Очень скоро.

13:05

Три стука в дверь — быстрые, ритмичные. Я затаил дыхание.

Карина вошла и закрыла дверь на ключ. Звук щелчка замка отозвался во мне странным облегчением. Она медленно прошла вдоль стола, проводя пальцами по краю.

— Почему опоздала на утреннее совещание? — спросил я, пытаясь сохранить деловой тон.

— Занята была, — она улыбнулась, расстегивая пиджак. — Очень занята.

Элегантная юбка-карандаш подчеркивала округлость бёдер и стройность ног. Двигаясь в мою сторону, Карина сняла пиджак и повесила его на спинку стула, потом расстегнула молнию на юбке. Ткань соскользнула на пол с шелковистым шорохом. Она переступила через неё, продолжая приближаться ко мне в одном белье — чёрные кружевные трусики и полупрозрачный бюстгальтер, чулки с ажурными резинками.

Я не мог оторвать глаз. Каждый её шаг был как удар по самоконтролю.

Бумаги с грохотом полетели со стола на пол. Её ноги обвили мои бёдра, а губы впились в мои с яростью.

Это было не похоже на наши обычные встречи — сегодня

всё происходило на грани риска. Быстрые движения, приглушённые стоны.

13:35

Карина стояла перед зеркалом в моём кабинете, поправляя волосы. Я собирал разбросанные документы. На столе остались следы нашей страсти — сдвинутый ноутбук, смятые бумаги.

— Ты знаешь, что это безумие? — спросил я.

Она повернулась, уже полностью собранная — ни намёка на то, что происходило несколько минут назад. Только слегка припухшие губы выдавали её.

— Поэтому это так прекрасно, — ответила она, застегивая пиджак. Её голос был холоден, как всегда, после секса.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Кабинет, еще минуту назад наполненный ее присутствием, теперь казался пустым и безжизненным.

Эти встречи, эти тайные свидания - они разрушали меня по кусочкам. С каждым разом мне становилось все труднее смотреть в глаза ее мужу на совещаниях. Все сложнее было притворяться равнодушным, когда она проходила мимо по коридору.

Я подошел к окну и уперся лбом в холодное стекло. Ее образ стоял передо мной, как живой. Ее смех, ее прикосновения, ее шепот...

Звонок телефона. Бабушка.

— Сашуль, ты ведь не забыл про смеситель? — её голос

звучал так буднично, что я невольно рассмеялся.

— Не забыл, бабуль. Приеду.

Глава 4

Бабушкины котлеты и неожиданный стажер Саша

После рабочего дня, который закончился позже обычного, я направился к бабушке. Дорога через весь город заняла почти час, но мысли о встрече с дорогим человеком скрашивали усталость. Бабушка встретила меня, как всегда, с распростертыми объятиями — ее теплые руки пахли ванилью.

— Сашенька, наконец-то! — воскликнула она, расправляя на мне воротник рубашки. — Совсем замучил себя работой, весь осунулся! Глаза впалые, как у голодного волчонка!

Пока я копался под раковиной, пытаюсь заменить прокладку в смесителе (которая, конечно, пришла в негодность), бабушка кружила вокруг, сыпля новостями:

— Вчера встретила Наталью Петровну, у нее такие помидоры на балконе выросли — просто загляденье! — она сунула мне в руки разводной ключ. — А у Марии Ивановны кошка опять котят принесла... Тебе котенок не нужен?

Я энергично замотал головой: "Нет уж, лучше предложу Лизе — она же у нас главный зоозащитник".

Мысленно представил Бодю, который и так еле выносит существующих трех кошек. Картинка вышла забавная: его двухметровая тушка, втиснутая в угол квартиры, теперь

больше похожей на филиал кошачьего приюта. Между пушистыми террористками и новым котенком он будет выглядеть как медведь, случайно забредший на выставку кошек.

Губы сами собой дрогнули. Сначала это был просто подрагивающий уголок рта, потом — предательская ухмылка, а через секунду я уже давил смех, представляя, как Бодя пытается уместиться на своем же диване между мурчащими созданиями.

Бабушка недоуменно нахмурилась:

— Чего это ты?

— Да так... — отмахнулся я, с трудом сохраняя серьезное выражение лица. — Лизе предложу котенка.

Когда вода наконец перестала капать, мы уселись за кухонный стол. Бабушкины котлеты — золотистые, с хрустящей корочкой, под которыми скрывалась невероятно сочная мякоть — буквально таяли во рту. Пюре, воздушное и нежное, с масляными лужицами, мгновенно перенесло меня в детство, когда мир казался простым и понятным. А чай с яблочным вареньем, которое бабушка каждую осень варит на даче, обжег губы знакомым вкусом — сладким, с едва уловимой кислинкой.

— Сашенька... — начала бабушка тем тоном, от которого у меня автоматически напряглись все мышцы. Внутренний голос завопил: "Тревога!". — Я тут познакомилась с одной замечательной девушкой...

Вилка замерла у меня в руке на полпути ко рту. "О нет,

— подумал я, — только не это".

— Она заканчивает четвертый курс журфака, очень хочет работать, — продолжала бабушка, делая вид, что не замечает, как мое лицо постепенно каменеет. — Умница, образованная, да и симпатичная очень!

— Бабуль, — осторожно начал я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки, — мне нужен стажер в IT, а не журналист...

— Да брось ты! — махнула она рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. — Ничего сложного в работе стажера нет. Разберется! А Аврора такая способная — она со всем справится. У тебя сразу свободного времени прибавится, перестанешь задерживаться на работе...

Я чуть не подавился чаем. "Аврора?!" — имя прозвучало в моей голове как выстрел.

— Бабушка, нет и еще раз нет, — я поставил чашку с таким звоном, что даже бабушка на мгновение притихла.

— Ох, Сашенька... — она вдруг шмыгнула носом, и в ее глазах появилась та самая влажная искорка, против которой я никогда не мог устоять. — Я бы так спокойно себя чувствовала, зная, что на работе есть кому за тобой присмотреть... Чтобы ты обедать не забывал, вовремя уходил... — ее голос дрогнул. — Я бы тогда и о здоровье своем больше думала, таблетки вовремя принимала...

Я закрыл глаза, понимая, что проиграл. Бабушка уже наливала мне второй стакан чая, а в ее взгляде читалась та са-

мая непоколебимая решимость, с которой она когда-то заставила чиновников отремонтировать наш двор.

— Ладно, — сдался я, чувствуя, как подписываю себе приговор. — Пусть приходит, — глухо сказал я, представляя, как моя размеренная жизнь летит к чертям.

В голове уже мелькали картины грядущего кошмара: ежедневные взгляды этой "Авроры", ее вопросы, ее присутствие... Я уже пожалел о своем решении, еще даже не увидев эту девушку.

Бабушка расцвела, как роза в мае, и потянулась целовать меня в макушку:

— Спасибо, родной! Ты не пожалеешь!

"Я уже пожалел", — мрачно подумал я, допивая чай.

Проведя у бабушки около двух часов, я начал собираться домой. Живу я в Беляево, в родительской трешке - удобно, что и до работы недалеко, и до бабушки рукой подать. Когда мне и Нике исполнилось 18, наши "просветленные" родители торжественно объявили, что их родительский долг выполнен, собрали сумки и укатили в Крым на ПМЖ, возложив заботу о бабушке на меня и сестру. Ника позже перебралась в Питер, так что вот уже несколько лет я один присматриваю за бабушкой.

Наклонившись, зашнуровал ботинки и взял сумку:

— Бабуль, я поехал! — крикнул из прихожей.

Из гостиной донесся скрип дивана:

— Сашуль, подожди, провожу!

— Да не надо, отдыхай! — ответил я, уже открывая дверь.

Вышел в подъезд, машинально похлопал по карманам брюк — ключей нет. Вдохнув, вернулся назад. Ключи мирно лежали на тумбочке.

В этот момент из гостиной донесся приглушенный разговор:

— Зоя Федоровна... Нет-нет, Сашенька согласился... — бабушка говорила шепотом, но я отлично различал каждое слово. — Да я же говорила — мой внук золото! Аврора будет в надежных руках...

Я замер, сжимая ключи в кулаке так, что металл впился в ладонь.

— Ну бабуля, ну сводница! — прошептал я, но не смог сдержать улыбки.

Лифт медленно спускался на первый этаж. Я прислонился к стене, размышляя: "Кто такая эта Аврора, и почему бабушка так уверена, что она мне нужна?". Ответа не было, только странное щемящее чувство под ложечкой.

Дорога домой заняла не больше двадцати минут. Припарковавшись у подъезда, я заметил свет в окнах квартиры. Ника уже дома. Несколько дней назад она внезапно нагрянула в Москву, удивив меня и ребят из компании своим появлением в «Лесной сказке», небольшом дачном поселке, где мы в детстве проводили все летние каникулы.

— Ужинать будешь? — встретила она меня с порога кухни, доедая бутерброд.

— Нет, у бабушки был, — ответил я, бросая ключи на полку.

Ника пристально посмотрела на меня:

— Я к ней тоже сегодня заходила. Что-то ты какой-то смурной.

— Да так, проблема одна возникла, — махнул я рукой, снимая ботинки. — Не волнуйся, ничего серьезного.

— Ладно... — она недоверчиво прищурилась, но спросила только: — Я тогда пойду спать.

— Давай, — кивнул я. — Я немного посижу с ноутбуком и тоже лягу.

Когда дверь в ее комнату закрылась, я плюхнулся на диван и уставился в потолок. Где-то в глубине души шевельнулось настойчивое предчувствие, что жизнь вот-вот перевернется с ног на голову.

И, как показало время, это предчувствие меня не обмануло.

Глава 5

Дождь, зонт и горячий кофе

Аврора

Мой день начался так, будто сама вселенная решила протестировать меня на прочность. Небо хмурилось, а дождь зарядил с таким упорством, словно ему лично кто-то пообещал премию за самое невыносимое утро.

Я выбрала платье (утренний оптимизм - опасная штука), накинула кардиган, а любимые кеды пришлось заменить на резиновые сапоги — те самые, в которых чувствуешь себя либо грибником, либо уточкой в луже. Волосы оставила распущенными, изначально хотела уложить свои кудри в высокую прическу, но любимую заколку так и не нашла, а не любимой у меня попросту нет.

Завтрак, конечно, был диетическим. Если считать диетой бабушкины сырники со сметаной, которые она впихивала в меня с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Видимо, новость о моем трудоустройстве так вдохновила ее, что она даже отвлеклась от своего любимого хобби - написания гневных отзывов на сайт ЖКХ.

— Ну, Аврорушка, удачи! — бабуля сжала кулачок в жесте "руки силы", и я вышла на улицу.

Брррр. Мороз по коже.

"У природы нет плохой погоды" — враньё. Есть. И се-

годня она явно решила доказать это лично мне. Дождь за время моих сборов только усилился, порывистый ветер пронизывал насквозь. Я мгновенно покрылась гусиной кожей - настоящий живой учебник по анатомии. Повернула, чтобы вернуться и переодеться, но часы злорадно показали мне. "Опоздала, подруга!".

Я раскрыла зонт и быстрым шагом пошла к метро, а ветер, будто нарочно, начал задирать подол платья, демонстрируя прохожим мои коленки и напоминая, что сегодня явно стоило надеть что-то посерьёзнее.

И тут случилось ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

В метре от метро (ирония!) порыв ветра вырвал зонт из рук и подбросил его вверх, как будто это был не аксессуар, а мяч на чемпионате мира. Я прыгала за ним, как безумная, но зонт явно считал себя свободной птицей и отчаянно сопротивлялся.

Тушь уже рисовала на моем лице абстракционизм, волосы прилипли к щекам с преданностью липучки, а платье обтянуло мои пухлые формы.

— Держите! — раздался голос ангела-спасителя.

Мальчишка лет двенадцати ловко поймал моего беглеца и протянул его мне с видом "взрослые, ну вы совсем беспомощные".

— Спа-си-бо... — проскрипела я, уже наполовину превратившись в русалку.

В метро моё отражение в стекле весело сообщило мне,

что теперь я выгляжу как промокший пудель после неудачной стрижки. Идеально для встречи с каким-то там Ломовым Александром Сергеевичем, на которую мне охота, как коту — ванны.

"Надо домой!" - кричал разум. Но часы, эти предатели, показывали: "Поздно, детка". Я наивно решила, что "ну по пути же высохну!" (спойлер: не высохла).

Бизнес-центр встретил меня холодным великолепием своего холла. Это была одна из тех стекляшно-стальных громадин, что растут в городе, как грибы после дождя - высокомерные, блестящие и абсолютно бездушные.

Я подошла к турникетам, рядом с которыми ютилась будка охраны – такая пластиковая капсула, будто специально спроектированная, чтобы вызывать клаустрофобию. Из нее с трудом выкатился охранник – тучный дядечка, чью голову природа щедро одарила сияющей лысиной, зато с лихвой компенсировала это буйной растительностью на лице. Его борода напоминала заброшенный кустарник – местами ухоженный, местами дико растущий, с явными следами недавнего завтрака (кажется, там застрял кусочек бублика).

Он посмотрел на меня усталыми глазами человека, который за свою карьеру видел столько странных типов, что я со своим мокрым видом даже не попала в топ-100. Его униформа была натянута на животе, а бейдж криво висел на груди, будто смирился со своей судьбой. Надпись "Степанов А.П." едва читалась под слоем потертостей.

— Здравствуйте... — пискнула я, поправляя очки.
— Мне назначено... Ломов Александр Сергеевич... меня ждут... или уже ждали?

— Вы Аврора? — уточнил он.

— Да, я Аврора.

— Александр Сергеевич предупредил, что вы должны подойти. Он задерживается на совещании. Так что я вас провожу до его кабинета.

— Олег! — крикнул он в сторону коморки. — Я отойду, девушку провожу до сисадмина, через пять минут вернусь!

— Без проблем! — донеслось из недр капсулы.

Охранник провёл меня мимо строгих стеклянных переговорок, по коридору с вычурными картинами в духе «современный бизнес-арт» — какие-то абстрактные синие пятна, якобы символизирующие «рост и динамику».

Меня всё ещё знобило, а мокрые волосы теперь ещё и начали неприятно пахнуть городской сыростью.

— Вы к Ломову на собеседование? — неожиданно спросил охранник, сверля меня взглядом.

— Можно и так сказать, — пролепетала я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Мы подошли к лифтам, возле которых стояли в ожидании сотрудники бизнес-центра.

Лифты здесь были не простые, а "умные" - с сенсорными панелями и голосовым помощником, который вежливо, но безэмоционально сообщил: "Восемнадцатый этаж. Отдел

информационных технологий.

Кабинет моего будущего начальника был практически в конце коридора. Комната оказалась уютным хаосом: огромный монитор, ноутбук, телефон, коробки с проводами (или щипцами для пыток?), принтер и стопки документов. На тумбочке стоял чайник и пакет овсяного печенья, которое смотрело на меня с таким же вожелением, с каким я смотрела на него.

— Вы совсем продрогли, — констатировал охранник. — Попейте чаю, Александр Сергеевич, думаю, не будет возражать.

Чайник зашипел, как обиженный кот, наполняя кабинет уютными звуками. Я налила себе кофе и начала медленно оттаивать. Время неторопливо текло и уже приближалось к двенадцать. Я полностью согрелась и уже обсохла. Ну почти. Платье уже не так липло к ногам, волосы не висели сосульками, в зеркало я видела, как они начали пушиться, и я все больше напоминала одуванчик. Хорошо, что я всегда с собой ношу крем для волос. С помощью него у меня получилось придать волосам более или менее приличный вид.

Через час ожидания желудок начал петь оперные арии. Сырники давно канули в лету, и я все чаще поглядывала на печенье. "Одно не повредит", - солгала я себе и взяла три. Вторая чашка кофе добавила адреналина в кровь - сердце стучало, как студент на сессии.

И тут... Шаги за дверью. Быстрые. Решительные. Я вско-

чила, рассыпав крошки печенья. Дверь открылась, и...

О МОЙ ГАААААД!

На пороге стоял он. Тот самый. Из бассейна. Без резиновой шапочки, но я бы узнала эти плечи даже в толпе сумоистов.

— Аврора? — спросил он.

— Д-да, — выдавила я, протягивая дрожащую руку.

"Он не узнает, он не узнает", - молилась я, делая шаг. И еще один. Мои ноги, эти предатели, решили снова устроить флешмоб - одна подвернулась, рука с чашкой совершила грациозный взмах, и...

Горячий кофе совершил свое путешествие с моей чашки на его белоснежную рубашку и черные брюки. Медленно. Эффектно. Как в замедленной съемке.

Тишина. Его глаза расширяются. Мои - тоже.

"Поздравляю, Аврора, - подумала я. - Ты только что установила мировой рекорд по самому быстрому увольнению в истории".

Саша

Чёртов понедельник. Чёртов дождь. Чёртово совещание, растянувшееся на полтора часа дольше запланированного. Я шагал по коридору, мысленно составляя список людей, которых сегодня готов был отправить в ад с особой жестокостью. На первом месте, конечно же, красовался Марков из маркетинга, умудрившийся полтора часа говорить ни о чём, активно жестикулируя руками, будто пытаюсь взлететь.

"Сейчас бы кофе", - подумал я, вспоминая новую пачку арабики, которую утром специально принёс из дома. Мысль о горячем крепком напитке была единственным светлым пятном в этом сером дне.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Час назад Петрович доложил, что пришел мой новый стажер и ждет меня в кабинете.

Зайдя внутрь, я замер на пороге.

Рядом с моим столом стояла мокрая девушка. Нет, "мокрая" - это не то слово. Она выглядела так, будто только что участвовала в заплыве через Ла-Манш. В одежде. Её волосы представляли собой нечто среднее между взъерошенным одуванчиком и гнездом водоплавающей птицы. Платье облегло фигуру с такой точностью, что можно было изучать анатомию.

Ее пухлые щёки были усыпаны веснушками, широко распахнутые голубые глаза смотрели сквозь линзы круглых очков в роговой оправе. Бабушка описывала её как "симпатичную образованную умницу!». Видимо, у бабули было своеобразное чувство юмора. Это как заказать в интернете роскошный костюм, а получить пижаму с рисунком "весёлые кексики".

Она заметила меня и подскочила, будто получила разряд тока. В её глазах читался животный ужас.

— Аврора? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

— Д-да, — выдавила она.

И тут началось самое интересное. Она сделала шаг вперёд, её нога совершила странный манёвр, будто пытаясь исполнить па из балета "Умиравший лебедь", рука с чашкой описала в воздухе изящную дугу, и...

Горячий кофе (к счастью, уже немного остывший) медленно растёкся по моей новой белой рубашке и чёрным брюкам, которые я надел сегодня специально для важного совещания. Ощущение было такое, будто на меня вылили расплавленный свинец.

В кабинете повисла тишина, которую можно было резать ножом. Я методично осмотрел место происшествия: размер пятна и его расположение прямо указывали на то, что мне невероятно повезло - династия Ломовых не прервется. Однако живот и правое бедро горели, будто я случайно лег на утюг.

Подняв глаза, я увидел, что Аврора стала белее моей рубашки ДО инцидента. Её губы дрожали, из них сыпались сбивчивые извинения, перемешанные с какими-то нечленораздельными звуками. Казалось, ещё немного - и она либо расплачется, либо упадёт в обморок.

Не дожидаясь развития событий, я молча подошёл к шкафу, достал запасной комплект одежды и вышел из кабинета, оставив её одну с последствиями катастрофы.

Дверь закрылась за мной с мягким щелчком, и я на мгновение прислонился лбом к прохладной стене, пытаясь осознать произошедшее. В голове крутилась только одна мысль:

"Ну, бабуля, ну ты меня подловила... Как же мастерски, как же изящно подсунула ты мне эту «скромную девочку с хорошими манерами»!

Губы сами собой скривились в горькой усмешке. "Слово дал. Теперь хоть в петлю лезь". Я отчетливо представил, как три долгих месяца эта ходячая катастрофа будет терроризировать меня, превращая рабочий процесс в цирк шапито. Остаётся только надеяться, что либо эта "умница" внезапно окажется вундеркиндом, либо эти три месяца пролетят как один кошмарный сон.

Глава 6

Знакомство – дубль два!

Саша

Я поспешно застегнул последнюю пуговицу свежей рубашки, выходя из мужского туалета. "Ну и день выдался," - пробормотал я себе под нос, нервно поправляя манжеты. - "Сначала этот идиот Марков полтора часа нес чушь на совещании, а теперь вот эта... этот домовенок Кузя в моем кабинете, который умудрился облить меня кофе в первый же день".

Когда я распахнул дверь кабинета, передо мной предстала забавная картина: Аврора сидела, сгорбившись на стуле, как провинившаяся школьница, пойманная на списывании. Ее лицо уже не напоминало лист бумаги, но в широко раскрытых голубых глазах по-прежнему читался животный ужас, смешанный с виной.

— Ну что ж, — начал я, стараясь говорить максимально нейтрально, — давай познакомимся еще раз. Александр Сергеевич Ломов, но можно просто Саша.

Аврора только махнула головой, и ее губ коснулась едва заметная улыбка, которая тут же исчезла, словно ей стало стыдно за эту секундную слабость.

— Это... - я широким жестом указал на скромный уголок у самой двери в серверную, — твое рабочее место. Вот стол,

вот стул... и прекрасный вид на серверную комнату.

Она сидела, крепко прижимая к груди потрепанную кожаную сумку, которая выглядела так, будто пережила не одну войну.

— Для начала ознакомься с уставом нашей организации, — я протянул ей увесистую папку с таким видом, будто вручал священный грааль. — Особенно рекомендую обратить внимание на раздел о режиме работы. Для меня принципиально, чтобы ты как мой стажер приходила на работу вовремя. Хотя, — я не удержался от сарказма, — судя по сегодняшнему дебюту, пунктуальность не твой конек.

Она взяла документ дрожащими руками, и в этот момент ее сумка с громким стуком свалилась на пол, выплеснув часть содержимого: пудреница, ключи, пачка салфеток.

— Может, положишь сумку на стол? - предложил я.

— Нет-нет! - она вцепилась в сумку с неожиданной силой, быстро запихивая вещи обратно. — Там... там мои личные вещи.

— Личные вещи? – повторил я за ней, прищурившись. – А может, секретное оружие массового поражения? – решил я пошутить, чтобы немного разрядить обстановку.

Она посмотрела на меня непонимающим взглядом, будто я заговорил на суахили. "Мдаааа", - промелькнуло у меня в голове. "Юмор не оценила. Или просто не поняла".

Пока она с видимым напряжением листала устав (я был почти уверен, что она просто переворачивает страницы, не

читая), я украдкой изучал ее профиль. Эти рыжие кудри, рассыпанные по плечам, россыпь веснушек на носу... Как она невольно положила руки на щеки, подперев ими голову... Черт возьми, кого-то она мне напоминает! Где же я мог ее видеть? В баре? В клубе? На каком-то корпоративном мероприятии?

Мои размышления прервал громкий стук - Аврора снова уронила сумку. На этот раз из нее выкатился тубик крема и гигиенические средства.

— Ой! - она бросилась собирать вещи, но я успел заметить, как ее уши покраснели.

— Ну что, ознакомились? - спросил я минут через пятнадцать, когда она наконец перестала перелистывать страницы.

— Да! - она вскочила так резко, что едва не опрокинула стул, и чуть не уронила устав, который еле успела поймать.

Решив проверить ее знания, я начал с основ:

— Расскажи мне, что такое API?

Ее глаза округлились до невероятных размеров, зрачки расширились, как у Яниного кота, увидевшего огурец.

— Эээ... это... американская... пицца... итальянская? - выдавила она, и я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок, а в животе заурчало от смешанных чувств ужаса и абсурда.

— Хорошо, — я глубоко вдохнул, — может быть, ты знаешь, что такое Agile?

— А... это когда... быстро? — ее голос дрожал, как желе

на ветру, а пальцы нервно теребили край платья.

У меня начало дергаться веко. Я потер переносицу, чувствуя, как подступает головная боль.

— Scrum?

— Это... такая игра с мячом? - она произнесла это с такой надеждой в голосе, что мне вдруг стало ее жаль.

Трындец!

Я закрыл глаза и мысленно досчитал до десяти. "Господи, за что мне это?" Когда открыл, Аврора все еще стояла передо мной, но ее веснушки теперь казались значительно бледнее, чем пять минут назад, а губы подрагивали.

— Скажи мне честно, — спросил я, уже зная ответ, но все же надеясь на чудо, — тебе хоть что-то понятно из того, о чем я говорю?

Она закивала с такой энергичностью, что ее рыжие кудри заплясали, но глаза кричали: "Спасите! Я попала в кошмар! Я ничего не понимаю!"

"Боже правый," - пронеслось у меня в голове. — "Это не стажер. Это ходячая катастрофа."

— Знаешь что? - тяжело вздохнул я, потирая виски. — Давай на сегодня закончим. Завтра принесешь документы для оформления.

Бросив еле слышное «до завтра!» она выскочила из кабинета с такой скоростью, что оставила за собой шлейф из запаха мокрой собаки и чистого отчаяния.

Подойдя к окну, я наблюдал, как она бежит к метро, пери-

одически спотыкаясь о собственные ноги. Ее зонтик то раскрывался, то складывался, а сумка так и норовила слететь с плеча.

Аврора

Я вылетела из бизнес-центра, будто меня подхватил ураган. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышно на весь квартал. В ушах стоял оглушительный звон - то ли от адреналина, то ли от ужаса перед тем, что только что произошло. Только оказавшись на улице, я осознала, что до сих пор сжимаю в потных ладонях сумку и зонт с такой силой, будто это спасательный круг.

Несмотря на то, что дождь давно прекратился, мои пальцы сами собой раскрыли зонт. Теперь он служил мне не столько защитой от непогоды, сколько щитом от всего мира. Особенно от любопытных взглядов прохожих, которые могли бы увидеть мое пунцовое от стыда лицо.

Пройдя несколько метров, я смущенно осознала, что выгляжу как минимум странно - раскрытый зонт в солнечную погоду (да, на небе облака рассеялись и выглянуло долгожданное солнце). Но едва я сделала пару шагов, как с дерева на меня посыпались капли дождевой воды. Я вздрогнула и снова раскрыла зонт, в этот момент, чуть не споткнувшись о бордюр. "Вот этого мне еще только не хватало - приползти домой с переломанными ногами", - пронеслось в голове.

Мои шаги выстукивали в такт мыслям, которые неслись в голове с бешеной скоростью. Сегодняшний день превра-

тился в череду унизительных провалов: сначала я явилась на работу, выглядев как вынырнувшая из фонтана дворняга; потом дважды уронила сумку на глазах у начальника - того самого Олимпийца с безупречными ягодицами; потом умудрилась не понять ни единого слова из его профессиональных объяснений... Но главный приз достался тому самому моменту, когда чашка с кофе описала в воздухе идеальную дугу, прежде чем опрокинуться на его безупречные брюки. "Может, у меня фетиш к его гениталиям?" - мелькнула абсурдная мысль. "Что же это за такое упорное стремление быть ближе к его мужским достоинствам?"

"Он не мог меня узнать, - пыталась убедить я себя. - Тогда я была в дурацкой шапочке, волосы спрятаны, лицо закрывала руками..." Но почему-то его сегодняшний пристальный взгляд не давал мне покоя. Казалось, в его глазах мелькало что-то большее, чем просто удивление от моей некомпетентности.

Дверь в квартиру я открыла с таким облегчением, будто вернулась с поля боя.

— Аврорушка? Как первый день? — донеслось с кухни.

Швырнув сумку на диван, я плюхнулась рядом, чувствуя, как последние силы покидают меня.

— Бомбически! — крикнула я, закатывая глаза. — Я пришла мокрее выжатой тряпки, уселась в кресло и оставила на нем лужу, как непослушный щенок. Потом дважды уронила сумку, разбросав все содержимое по кабинету. Потом он

спросил, знаю ли я, что такое Agile, а я бодро ответила, что это 'когда быстро'."

Бабушка появилась в дверях, держа в руках тарелку с еще теплыми пирожками. Ее глаза блестели любопытством.

— Всего-то! — фыркнула он.

— А потом... — Я закрыла лицо руками. — Бабушка, Олимпиец из бассейна и Ломов Александр Сергеевич — это один и тот же человек. Понимаешь, какой кошмар?

— Он узнал тебя? — спросила бабушка.

— Надеюсь, что нет. Бабуль, я облила его горячим кофе! Прямо на рубашку и брюки! На его новые, наверное, дорогие брюки!

Бабушка замерла на мгновение, а затем... разразилась таким смехом, что даже пирожки в ее руках затряслись.

— Ну, поздравляю! Теперь он тебя точно не забудет!

— Бабуль! — я схватила первую попавшуюся подушку и прижала ее к лицу, словно это могло меня спасти. — Это же полный провал! Он теперь уверен, что нанял клиническую идиотку!

— Пусть думает, что хочет, — философски заметила бабушка, с наслаждением откусывая пирожок. — Зато теперь у тебя есть куда расти.

— В каком смысле?

— Ну как... Сегодня ты облила его кофе. Завтра можешь случайно уронить на него принтер. Послезавтра - удалить все файлы с его компьютера. А через месяц он скажет: 'О, смот-

рите-ка, Аврора сегодня ничего не разбила! Надо же, прогресс!'

Я простонала в ответ и уткнулась лицом в подушку глубже, мечтая, чтобы она меня поглотила целиком.

— Бабуль, может, я не пойду туда работать? — сложила я руки в молитвенном жесте.

— Не пойдешь, а побежишь, — безапелляционно заявила она, протягивая мне пирожок. - Сейчас ешь, отдыхай, а утром снова в бой. Ты же моя внучка!

Я лишь обреченно вздохнула.

Глава 7

Лунные мечты и земные реалии

Аврора

Весь вечер я, как заправский стратег-неудачник, с упоением разрабатывала гениальный план побега на Луну. В моей голове рисовались идиллические картины: никаких старушек-одуванчиков с замашками гестапо, никаких красавчиков-начальников, чьи ягодицы вызывают у меня комплекс неполноценности. Только я, лунные кратеры и вечная невестомость, где можно есть пирожные, не боясь поправиться.

Но увы, моя воля оказалась слабее, чем желание сказать "нет" пенсионерке, которая выглядит как ангел, но ведет себя как демон из бухгалтерии. Проснувшись утром, я с тоской осознала, что мне предстоит еще три месяца летнего заключения. Три месяца! Это же срок, за который можно было бы освоить профессию бариста во «Вкусно и Почка», выучить китайский (или хотя бы попытаться) или попробовать привести в порядок шкаф.

"Хотя бы пусть пройдет быстро и не очень мучительно", - подумала я, разглядывая в зеркале свои утренние "антенны" - два торчащих в разные стороны клока волос, будто я всю ночь ловила сигналы из космоса.

На работу я вышла на полчаса раньше. Не потому, что внезапно превратилась в трудоголика, а потому что слишком

хорошо знаю свою склонность попадать в нелепые ситуации. "Сегодня будет мой день", - наивно убеждала я себя, поправляя платье и трижды проверяя, не забыла ли надеть обувь (после того случая, когда пришлось покупать тапочки в ближайшей "Пятерочке").

Погода сегодня благоволила к моим планам. Солнце ласково грело, а лужи после вчерашнего ливня почти исчезли. В своем любимом платье и удобных кедах я чувствовала себя почти человеком. Волосы, заплетенные в две аккуратные косы, должны были спасти меня от превращения в мокрого пуделя в случае внезапного дождя.

Путь до метро прошел удивительно гладко. Ни луж, ни зацепившейся за все выступы сумки, ни телефона, выскользнувшего из рук прямо под колеса автобуса. "Неужели сегодня действительно мой день?" - подумала я с осторожным оптимизмом, пока моя внутренняя пессимистка тут же напомнила, что день только начинается.

Перрон встретил меня привычной картиной: офисный планктон вперемишку с уставшими работягами. Я пристроилась рядом с тучной женщиной, которая держала за руку такого же тучного мальчика, с упоением нализывающегося леденец. Я заворуженно наблюдала за этим процессом. Мальчик лизал конфету с такой самоотдачей, будто от этого зависела судьба вселенной. Его глаза сияли священным восторгом.

— Мам, а почему тётя так смотрит? — вдруг спросил

мальчик, прерывая свое сладкое занятие.

— Не обращай внимания, сынок, — вздохнула женщина, бросая на меня суровый взгляд.

Мои щеки мгновенно вспыхнули, как новогодняя гирлянда. Я резко отвернулась, делая вид, что с огромным интересом изучаю рекламу зубной пасты на противоположной стене. В этот момент подъехал поезд, и начался привычный хаос - толпа ринулась в вагон, словно последний вертолёт из Вьетнама.

Я зашла последней — мои кости явно не были рассчитаны на подобные баталии. Тётя с мальчиком умудрились занять сразу три места, что вызвало возмущение окружающих.

— Эээ, женщина, может, подвинетесь? — буркнул мужчина в пиджаке, который явно видел лучшие дни.

Тётя медленно подняла взгляд, и в ее глазах вспыхнули огоньки предстоящей битвы:

— Вы уверены, что хотите, чтобы я стояла?

В вагоне воцарилась тишина. Все пассажиры синхронно замотали головами, явно представив, что будет, если эта дама действительно встанет. Лучше уж пусть сидит, чем устроит давку эпических масштабов.

Моя станция. Я выбралась из метро, прошла через турникеты и направилась к бизнес-центру. Охранник встретил меня хмурым взглядом, будто я пришла не на работу, а украсть их драгоценный кондиционер. Но пропустил.

"Александр Сергеевич говорил, что сегодня мне выдадут

пропуск..." — вспомнила я, поднимаясь на лифте. Хотя после вчерашнего я была уверена, что больше никогда не переступлю порог этого здания.

Кабинет оказался пустым. Олимпиец еще не появился.

Решив использовать время с пользой, я открыла форточку, вскипятила чайник и заварила чай с чабрецом (кофе я не люблю — от него у меня начинается тахикардия, как от взгляда начальника). Завтрак из домашнего творожка добавил иллюзии, что день действительно начался хорошо.

Когда стрелки часов торжественно соединились на отметке 9:00, я с чувством глубокого удовлетворения осмотрела аккуратно сложенные документы. «Сегодня всё будет иначе», — твердо сказала я себе и грациозно поднялась со стула с видом деловой «колбасы». Решив прогуляться до туалета, я уже протянула руку и ощутила приятную шероховатость дверной ручки. Легкое движение «от себя» — и в тот же миг случилось нечто ужасное...

БАХ!

Дверь внезапно превратилась в твердый барьер, а точнее - в лобную кость моего начальника. Звук удара разнёсся по коридору с акустической чистотой оперного театра. Его протяжное "**яяяяяяяяяяяяяя!", начавшееся как баритон и закончившееся фальцетом, заставило вздрогнуть даже календарь на стене.

О МОЙ ГАД!!!

Я замерла, ощущая, как мои ладони моментально по-

крылись липкой испариной, пульс застучал в висках маршем "Прощание славянки", желудок совершил сальто назад с приземлением где-то в районе колен.

— Д-доброе утро... извините... — выдавила я из себя, улыбаясь так напряжённо, что щёки тут же свело судорогой.

Его взгляд был шедевром невербальной коммуникации: левый глаз выражал "Я переживаю адскую боль"; правый транслировал "Но ещё большую боль я хочу причинить тебе";

бровь (та, что не скрывалась под ладонью) дёргалась в такт его учащённому дыханию.

На его благородном челе расцветала шишка фантастических размеров. Она пульсировала, словно второе сердце, и, кажется, даже имела собственный пульс.

— Я... в кадры... с документами... — прошептала я, совершая стратегическое отступление. Мои ноги двигались с неестественной для офисной обстановки скоростью, а за спиной я буквально чувствовала его испепеляющий взгляд.

"О божечки, о божечки!" - стучало в моей голове, пока я мчалась по коридору, как героиня боевика, спасающаяся от взрыва.

Саша

Запись в личном дневнике

Дата: Вторник.

Настроение: до 9:00 - 10 из 10, после 9:00 – это какой-то П****Ц.

Причина: Она. Опять она.

День начинался просто прекрасно.

Во-первых, я с утра отмахал свои положенные два километра в бассейне – вода бодрила, мышцы приятно ныли, а в голове играл микс из чувства выполненного долга и предвкушения рабочего дня. Ну, не то, чтобы я обожал работу, но сегодня всё должно было сложиться иначе. Я был уверен.

А потом – звонок Карины.

Голос у неё, смесь шёпота и мёда, и когда она сказала: "Он улетел. Вернётся только завтра». В груди - взрыв. Не метафорический, а самый что ни на есть настоящий. Сердце бьётся так, будто пытается вырваться из клетки. Весь вечер. Вся ночь. Всё утро. Только мы. Только она. Ее смех, её руки, её губы...

Офисный коридор. Я иду, не касаясь пола. Ботинки стучат по плитке, как пулемётные очереди. В голове - кадры будущего: её кожа под моими пальцами, её дыхание на моей шее, её...

БАМ!

Мир сужается до одной точки. Точки боли.

Сначала - звук. Глухой, сочный, как удар битой по спелому арбузу. Потом - свет. Миллиарды искр перед глазами. И только потом - боль. Острая, жгучая, невыносимая. Она растекается по лбу, заполняет глазницы, стучит в висках молотками.

Глаза зажмурились сами, а в голове вспыхнула одна

мысль:

"КТО. ЭТО. СДЕЛАЛ."

Ответ пришел мгновенно.

В проеме застыло это... существо.

Круглое лицо. Веснушки. Глаза, как у оленя, которого только что ослепили фарами.

Да твою ж...

Аврора.

Мой стажёр.

Мы уставились друг на друга.

Я – с лицом, искаженным в гримасе между "я тебя сейчас убью" и "боже, как же больно".

Она – с выражением человека, который только что случайно нажал красную кнопку и запустил ядерную ракету.

— Д-доброе утро... извините... — её голос дрожал.

Я не мог говорить. Не мог дышать. Всё, что я чувствовал – это шишку на лбу, которая пульсировала, как второе сердце.

— Я... в кадры... с документами... — запищала она.

Лучше бы ты на Луну улетела.

Это рыжее недоразумение с двумя дурацкими косичками прошмыгнуло мимо меня со скоростью пули.

Я стоял, сжимая кулаки, и думал только об одном:

КАК Я ВЫЖИВУ ЭТИ ТРИ МЕСЯЦА.

Я медленно зашел в кабинет и рухнул в кресло, как подстреленный бизон. Глаза закрыл – пытался поймать дзен.

Через веки пробивался назойливый свет ламп, пульсиру-

ющий в такт шишке на лбу. Я уже видел своё будущее: через три месяца такого ада мне понадобится не только психолог, но и, возможно, экзорцист.

Рука сама потянулась к телефону – позвонить бабуле... Но я сдержался. Во-первых, дал обещание. Во-вторых, разве я не мужик? Разве не должен справиться с одной рыжей катастрофой?

Через некоторое время я услышал тихие шаги по коридору.

Дверь приоткрылась без стука, и в щель просочилось оно. Аврора.

Ее появление было настолько тихим, что можно было подумать, будто она не вошла, а просто возникла из воздуха – рыжая катастрофа в человеческом обличье, готовая в любой момент обрушиться на мою жизнь новый виток хаоса.

Я сидел и смотрел, как этот ходячий сгусток невезения осторожно переступает порог моего кабинета, словно боится, что пол под ней взорвется.

"Так бы и придушил эту тонкую шейку", – мелькнула мысль, но я лишь стиснул зубы.

– Так, Аврора, – начал я, стараясь говорить спокойно, но получилось скорее, как у медведя, которого разбудили зимой.

Она втянула голову в плечи, будто пыталась стать меньше.

– Извините меня ещё раз...

– Ладно, проехали. Кофе мне сможешь принести? Я те-

перь раненый.

Она оживилась, словно получила шанс на искупление.

– Да-да, конечно!

Закружилась по кабинету, налила кофе и понесла ко мне с таким трепетом, будто несла Священный Грааль.

– Стой! – резко остановил я её и откатился на кресле подальше от стола. – Вооот, теперь носи.

Чашка с тихим "тук" опустилась на стол. Я подъехал обратно, взял её и сделал глоток. Горячий, крепкий, горький – как мои мысли в этот момент.

План спасения созрел мгновенно.

– Значит так, Аврора, слушай первое задание.

Она вытянулась в струнку, глаза загорелись – видимо, решила, что сейчас получит важную миссию.

– Нужно съездить в компанию... (название и адрес я быстро набросал на листке из ежедневника) ...забрать у них пакет документов и принести мне. Ничего сложного. Ты только не спеши. Вот, держи.

Сунул ей бумажку.

– На работу не возвращайся, сразу езжай домой. Документы принесешь завтра. Всё понятно? – спросил я, глядя прямо в её голубые, наивные глаза.

– Д-да... – пробормотала она неуверенно. – Тогда я пойду?

– Конечно.

– До свидания.

– До свидания, – ответил я, а про себя добавил: "Но лучше бы – прощай."

Дверь закрылась.

Тишина.

Наконец-то.

Я откинулся на спинку кресла, потягивая кофе. План был прост: держать её подальше от себя. Чем реже она здесь будет появляться – тем меньше шансов, что что-нибудь натворит.

А если повезёт – может, она вообще заблудится по дороге?

Мечты-мечты...

Глава 8

Нежданные повороты

Аврора

Задание я выполнила на удивление быстро – настолько, что к обеду уже не знала, куда себя деть. Первой мыслью, конечно же, было вернуться в офис, но тут же вспомнились слова Олимпийца:

«На работу не возвращайся. Сразу езжай домой.»

И тут меня осенило.

Он просто хочет избавиться от меня.

В груди что-то неприятно сжалось. Не то чтобы я рассчитывала на теплый прием, наверное, он вообще мечтает стереть меня из памяти, – но осознание, что тебя намеренно отсылают подальше... Это... Обидно.

Хотя, если честно, он прав. Лучше держаться от него подальше.

Эх, Аврора...

Что за дурацкая тяга тянет тебя к этому Александру Сергеевичу? Он – как герой из моих любимых романов: статный, умный, с теплыми голубыми глазами, в которых читается вся глубина мира. А я? Я – просто рыжая катастрофа в юбке, которая умудряется калечить его при каждом удобном случае.

Не пара мы с ним.

С этими мыслями я брела вдоль сквера, машинально об-

лизывая ванильное мороженое. Солнце припекало, а в голове, как заевшая пластинка, крутилась одна и та же мысль:

«Он тебя терпеть не может. Ты ему мешаешь.»

Вдруг – ритмичные удары, смех, аплодисменты.

Оглянулась.

На площадке перед фонтаном крутились парни в мешковатых штанах и кепках. Брейк-данс. Они летали по асфальту, как ртутные шарики – то вставая на руки, то вращаясь на спине с невозмутимым видом.

Я застыла, замороженная.

У них получалось так... легко. Будто они рождены для этого.

А я?

Мои достижения:

Виртуозно спотыкаюсь на ровном месте.

Могу пролить кофе, даже если чашка пустая.

Единственное хобби – чтение любовных романов.

В книгах я – другая. Сегодня – гордая Элизабет Беннет, снисходящая до брака с мистером Дарси. Завтра – строгая Маргарет Хейл, читающая нотации Джону Торнтону. В мечтах я всегда уверенна, всегда на высоте.

А в реальности?

В реальности я стою тут, с подтаявшим мороженым в руке, и завидую уличным танцорам. Потому что у них есть страсть. А у меня – стопки любовных романов и глупая надежда, что однажды Олимпиец посмотрит на меня не как на

стихийное бедствие.

Но это же смешно.

Вздохнув, я доела мороженое и побрела дальше.

Сквер был не очень большим, но ехать домой мне не хотелось, поэтому я неспешно прохаживалась, то и дело возвращаясь к брейк-дансерам.

В какой-то момент один из них отделился от группы, взял скейт, одел рюкзак на плечи и поехал к выходу.

И тут из его кармана вывалился телефон.

Парень не заметил потери и продолжал катиться дальше.

— Эй! – крикнула я, поднимая гаджет.

Но он уже скрылся за поворотом.

— Блин!

Я рванула за ним, но парень двигался слишком быстро. К тому времени, как я добежала до метро, его и след простыл.

— Что же делать?

Попыталась включить телефон – заблокирован. Оставалось только ждать, пока кто-нибудь позвонит.

Ждать пришлось долго.

Ближе к вечеру на экране наконец высветился входящий вызов. «Брат».

Я тут же схватила трубку.

— Алло! – ответила я.

— У вас мой телефон, – слышался в трубке девичий голос.

Я замерла.

— Вы... в этом уверены?

— Конечно! Я его сегодня потеряла в сквере рядом с Северным речным вокзалом, когда ехала к метро на скейте.

— Верно... — удивилась я. — Но... вы же девушка?

В трубке раздался тихий смех.

— Да, а что?

— Просто... я видела парня на скейте, из кармана которого выпал телефон.

— Это была я, — рассмеялась она.

Мы договорились встретиться через час в кафе недалеко от моего дома.

Когда я пришла, то сразу узнала ту самую фигуру на скейте в мешковатых штанах и толстовке.

Парень оказался девушкой.

И, как выяснилось, моей ровесницей.

— Ульяна, — представилась она, улыбаясь.

Ульяна оказалась невысокой, почти миниатюрной. Её тёмные волосы, стриженные в неровное каре, выглядели так, будто она сама подравнивала их перед зеркалом, не особо заморачиваясь с симметрией. Длинная чёлка то и дело спадала на глаза, и она привычным движением головы отбрасывала её назад. Эта дерзкая причёска удивительно сочеталась с тонкими, почти хрупкими чертами лица. Но больше всего поражали глаза — ярко-зелёные, как молодые листья после дождя, с хищным золотистым отсветом где-то в глубине.

Смеялась Ульяна громко, без стеснения, прищуривая гла-

за до узких щелочек — в такие моменты в уголках собирались смешные морщинки, делая её похожей на довольную кошку. А когда слушала внимательно — становились неподвижными и глубокими.

Странная девушка.

Не классическая красавица — слишком угловатая, слишком... неотёсанная. Но в ней чувствовалась какая-то внутренняя искра, заставлявшая взгляд возвращаться к ней снова и снова.

Мы мило беседовали, и в благодарность она угостила меня латте.

Разговор затянулся. Я обычно не очень легко сближаюсь с людьми — часто стесняюсь, мнусь, — но с Ульяной мы как-то сразу нашли общий язык.

— Давай обменяемся номерами? — предложила она в конце.

Я кивнула.

— Будем созваниваться.

Саша

Оставшаяся часть рабочего дня в отсутствие Авроры прошла на удивление спокойно. Никто не покушался на мою честь, достоинство и, что особенно важно, физическое состояние. Никаких внезапных ударов дверью, разлитых напитков или нелепых происшествий.

Когда стрелки часов наконец показали 18:00, я вышел из кабинета с ощущением глубокого удовлетворения. Походка

была упругой, мысли — далеки от этого бизнес-центра.

Лифт, как по заказу, прибыл практически мгновенно. В кабине было немного народу, но мой взгляд сразу наткнулся на знакомые карие глаза.

Карина.

Она стояла, слегка прислонившись спиной к стенке лифта, и смотрела на меня в упор. Её губы, покрытые алой помадой, расплылись в той самой ухмылке, от которой у меня всегда перехватывало дыхание.

Мы молча спустились на первый этаж. Она — к своей машине, я — к своей.

Полчаса езды.

Я остановился недалеко от её подъезда, наблюдая, как она неспешно подходит к подъездной двери, достаёт ключи. Сердце бешено колотилось, руки горели от желания прикоснуться к ней, но я держал себя в железном кулаке.

Терпение.

Нужно было дождаться, пока мы окажемся в квартире.

Карина открыла дверь, я быстрым шагом последовал за ней.

Этаж.

Чёрная железная дверь с цифрой 54.

Скрежет ключа в замке.

Она зашла внутрь, я уже переступал порог, как вдруг...

— Дорогая...

Ледяной удар в грудь.

Я резко отпрянул назад в подъезд, едва успевая скрыться за дверью.

— Ты почему дома? Не в командировке? — её голос звучал неестественно громко в тишине коридора.

— Начальник внезапно решил ехать один.

Входная дверь захлопнулась.

Я стоял, прижавшись спиной к стене.

Фуууууу.

Настроение — ниже плинтуса.

Спускаюсь по лестнице, не в силах заставить себя ждать лифта. Сажусь в машину, резко завожу двигатель.

Я еду по вечернему городу, сжимая руль так, будто хочу его раздавить. Гнев — горячий, густой пульсирует в висках.

Злюсь на себя — за эту дурацкую надежду, что когда-нибудь она выберет меня.

Злюсь на неё — за алые губы, которые сегодня ухмылялись мне в лифте.

Злюсь на её мужа — на этого невидимого призрака, который вечно возникает в самый неподходящий момент.

Чувствую себя дворовым котом, которого поманили кусочком колбасы, а когда подбежал — получил пинок под зад.

"Карина же сразу сказала — от мужа не уйдет", — напоминаю себе, но мозг упрямо твердит: "А вдруг передумает?"

Чёрт возьми, будто приворожили! Тянет к ней, как пьяницу к ларьку с дешёвым портвейном — понимаешь, что плохо кончится, но ноги сами несут.

Набираю Тимура.

— Чертовски хочется бухнуть, — бросаю в трубку вместо приветствия.

— Аналогично, — сразу понимает он. Никаких лишних вопросов.

— Тогда в "Хищник".

— Давай. Через минут тридцать буду.

— Добро.

Вешаю трубку.

Забавно, как люди справляются с разочарованием. Женщины — вином и слезами на плече у подруги. Мужики — пивом и матом в компании такого же неудачника. Разница лишь в градусе и количестве нецензурной лексики.

Сегодня вторник. Завтра работа. Значит, только пиво — три-четыре кружки, максимум. Достаточно, чтобы притупить остроту мыслей, но не настолько, чтобы утром жалеть о содеянном.

Паркую машину рядом с бизнес-центром и вызываю такси. До бара "Хищник" добираюсь минут за двадцать.

Заказываю первое пиво, даже не дожидаясь Тима. Холодная пена обжигает горло — горькая, как сегодняшний вечер.

"И зачем я вообще полез в эти отношения?"

Ответ приходит сам собой — потому что, когда она сверлит меня этими карими глазами, забываю и про благоразумие, и про гордость.

Тим появляется ровно через двадцать пять минут. Садит-

ся напротив, молча берет мою кружку, отпивает половину.
— Рассказывай, — говорит он, ставя пиво обратно.
И я начинаю.

Глава 9

Прогулка с Пацаном и неожиданная помощь Аврора

Так я и продолжала работать — вроде как стажером сидминистра, а фактически курьером. Но я не жаловалась. Деньги мне все равно заплатят, пусть и небольшие, да и планов на лето у меня никаких. А так — пара часов занятости, и весь день свободен: хочешь — пирожное, хочешь — мороженое, кино или музей.

Возвращаясь с очередного задания, я услышала звонок телефона. На экране высветилось имя — Ульяна.

— Привет! — бодро ответила я.

— Привет! — послышалось в ответ. — Какие планы?

— Полный штиль, — честно призналась я.

— Тогда, может, составишь мне компанию? Мне нужно погулять с добрым, но жутко активным псом.

— Я только за! — сразу согласилась я.

— Тогда приезжай в Серебряный Бор.

— Отлично! Я рядом с м. «Выставочная», мне до тебя недалеко.

— Супер, до встречи! — отозвалась Ульяна.

— До встречи!

Прогулка в Серебряном Бору

До места я добралась быстро. Серебряный Бор встретил

меня густой прохладой соснового леса, смешанной с теплым дыханием летнего дня. Воздух здесь был свежим, наполненным ароматом хвои и нагретой солнцем земли. Тропинки вились между высоких деревьев, а кое-где мелькали пушистые белки, деловито скачущие по веткам.

Я быстро нашла Ульяну, которая резвилась с небольшим, но невероятно энергичным псом. Она бросала ему мяч, а он мчался за ним с такой скоростью, будто его подгонял реактивный двигатель, и тут же возвращался, гордо неся добычу в зубах.

— Знакомься, это Пацан! — сказала Ульяна, указывая на пса.

— Странное имя, — улыбнулась я.

— Как и его хозяин, — засмеялась Ульяна, и я невольно присоединилась к ее смеху.

Мы провели в парке пару часов, гуляя по тенистым аллеям, болтая о всякой ерунде и наблюдая за окружающей жизнью. Народу было немного — будний день, и только редкие прохожие спешили по своим делам или неспешно прогуливались, наслаждаясь тишиной.

Мы купили мороженое и, сидя на лавочке, любовались белками, которые то и дело подбегали к нам в надежде выпросить лакомство. Пацан, впрочем, не разделял нашего умиления — он смотрел на них с подозрением и время от времени недовольно рычал.

— Он у тебя такой серьезный, — заметила я.

— Да он просто ревнует, — усмехнулась Ульяна, почесав пса за ухом.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая верхушки деревьев в золотистые тона, когда мы решили, что пора возвращаться.

— Спасибо за компанию, — сказала Ульяна, когда мы вышли к остановке.

— Это тебе спасибо, — улыбнулась я. — А то бы сидела дома, скучала.

— Тогда до новых прогулок!

— Обязательно!

Мы попрощались, и я пошла к метро, чувствуя легкую усталость, но в то же время приятное ощущение хорошо проведенного дня.

Я быстро добралась до дома. Квартира встретила меня гробовой тишиной — видимо, бабушка снова сбежала к подруге Марфе Петровне, чтобы перемолоть кости тем соседям, которым еще не успела, а может, нашла новую жертву для своих вечных жалоб. На этот раз, наверное, досталось дворнику за то, что он «слишком громко косит траву.

На кухне я налила себе большую чашку чая с чабрецом, достала зефир и уже поднесла лакомство ко рту, как вдруг...

Телефонный звонок.

Я вздрогнула так, что чуть не уронила зефир в чай. На экране — Олимпиец.

Сердце тут же заколотилось в ритме техно-ремикса.

Почему? Зачем? — пронеслось в голове. — Неужели я опять что-то забыла? Или, может, он случайно набрал? Или...

Собравшись с духом, я поднесла трубку к уху.

— Алло? — прошептала я, будто надеясь, что если говорить тихо, то и новости будут не такими страшными.

— Аврора, — голос Александра Сергеевича звучал так, будто он только что выпил стакан уксуса. — Ты брала ключ от серверной?

Вспышка.

В памяти тут же вырисовалась картинка: да, брала. Сама не знаю, как так вышло, но ключ действительно остался у меня. Видимо, в тот момент, когда я его брала, мой мозг был занят более важными вопросами вроде «Почему в офисе всегда так холодно?» или «Кто украл последнюю печенку из пачки?».

— Извините... — тихо проблеяла я.

В трубке послышался тяжелый вздох.

— Хватай ноги в руки и бегом в офис.

— Хорошо... — промычала я и отключилась.

Грустно вздохнув, я отложила в сторону чай и зефир. Ну что же я за тата такая...

Быстро натянула сегодняшнее платье, швырнула ноги в кеды и пулей вылетела из дома.

Я рванула к метро, мысленно ругая себя за невнимательность. Какого черта я вообще взяла этот ключ? В голове про-

носились возможные последствия: серверная осталась незапертой, кто-то мог туда зайти, что-то сломать...

Поезд подъехал быстро, и я влетела в вагон, едва успев перед закрывающимися дверями. Внутри было полно народу, но мне удалось втиснуться между мужчиной, читавшим газету с заголовком «Конец света отменяется», и девушкой, которая так активно жевала жвачку, будто это был ее личный враг.

Всю дорогу я нервно постукивала ногой, представляя, как начальник скрещивает руки на груди и ждет моего появления с лицом, выражающим всю гамму человеческого разочарования.

Минут через сорок я уже стояла перед офисным зданием, запыхавшаяся, но решительная. Осталось только подняться, вручить ключ и выслушать, что скажет Олимпиец.

Но в кабинете меня ждал сюрприз.

Кроме начальника, там было еще два человека.

Точнее, два парня.

Первый — высокий, с темными, практически черными волосами и голубыми глазами. Он смутно напоминал Алена Делона, если бы тот работал не актером, а, скажем, айтишником или моделью для рекламы дорогих часов.

Второй — немного ниже, но тоже очень симпатичный, кареглазый, с взъерошенными каштановыми волосами. Он выглядел так, будто был на взводе, и то и дело нервно проводил рукой по голове, будто пытался пригладить непослуш-

ные пряди.

Я зашла в кабинет, и все трое обернулись на меня.

— Здравствуйте... — поздоровалась я еле слышно, будто надеясь, что если говорить тихо, меня не заметят.

Парни быстро просканировали меня взглядом, один из них (кареглазый) махнул рукой в знак приветствия, и они продолжили что-то оживленно обсуждать.

Я подошла к начальнику.

— Вот ключ... — протянула я его, стараясь выглядеть максимально невинно.

Он даже не взглянул на меня.

— Положи на стол.

Я послушно выполнила просьбу и уже хотела ретироваться, как вдруг краем уха слышала обрывки разговора.

— ...обзвонили все больницы Москвы, везде тишина...

— ...может в область повезли...

Тут я вспомнила один случай: как-то бабушку положили на операцию, но внесли в базу ее фамилию с ошибкой. Я тогда тоже не могла ее найти, пока не догадалась проверить все возможные варианты написания.

Решив, что моя идея может быть полезной, я осторожно встряла в разговор:

— Извините... а может, фамилию неправильно записали? У меня бабушку как-то так потеряли...

Олимпиец сразу отмахнулся:

— Это маловероятно.

Но кареглазый парень вдруг оживился.

— Стойте, а ведь она права! — Он тут же схватил телефон. — Давайте еще раз проверим все варианты!

Олимпиец скривился, но спорить не стал.

Я поняла, что мое присутствие здесь больше не требуется, и тихо ретировалась.

На улице я глубоко вздохнула.

Довольная тем, что хоть чем-то помогла, отправилась домой — наконец-то допить тот самый чай с зефиром, не подозревая, что меня ждёт завтра...

Глава 10

Женщина с карими глазами

Аврора

Сегодняшнее утро началось неожиданно приятно. Войдя в офис, я сразу почувствовала разницу – воздух не был пропитан привычным напряжением, а Олимпиец, вместо того чтобы тут же отправить меня с каким-нибудь поручением подальше от кабинета, лишь кивнул в ответ на мое робкое "Доброе утро".

Он выглядел... почти человечно.

Его светлые волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, сегодня слегка растрепались, а на лице читалась усталость. Но, к моему удивлению, в его голубых глазах не было привычного ледяного спокойствия. Вместо этого – рассеянная сосредоточенность человека, погруженного в работу.

Мне поручили разобрать и подшить документы – монотонная, скучная работа, но я была рада и этому. Хоть какое-то оправдание моему присутствию здесь.

Я устроилась за своим столом и украдкой наблюдала, как длинные пальцы Олимпийца быстро печатают что-то на клавиатуре. Он то и дело отвечал на звонки, разговаривая на своем загадочном языке: «— Нет, там не DNS, смотрите лог-файлы... Да, именно с 2:34... Перезагрузите и проверьте пинг...»

Я даже не пыталась вникнуть — мой мозг отключался после первых трех технических терминов.

Ближе к двенадцати, когда я уже втянулась в монотонную работу с документами, внезапно раздался звонок. Громкая мелодия оглушительно разнеслась по кабинету. Олимпиец резко поднял голову, его брови сдвинулись в явном недовольстве, а тонкие губы сжались в знакомую мне жесткую линию.

— Извините, — пробормотала я, сгребая телефон в охапку и буквально вылетая в коридор, прежде чем он успел что-то сказать.

Дверь захлопнулась за мной, и я, наконец, перевела дух, глядя на экран. Настя.

— Аврора, привет?! — ее голос звенел так, будто она выпила три чашки кофе и готова была покорять мир. — Слушай, у меня тут два билета в кино на сегодняшний вечер. В прокате какая-то улетная романтическая комедия! Составишь компанию?

Я прижала телефон к уху, невольно улыбаясь. В институте у меня нет близких подруг — скорее, хорошие знакомые, с которыми приятно провести время между парами. Настя была одной из них: шумная, немного хаотичная, но искренняя и веселая. С ней не приходилось притворяться или подбирать слова — и сейчас ее энергия передавалась даже через телефон.

— Конечно, составлю, — ответила я, стараясь говорить

тише, но не скрывая радости.

— Ура! — Настя почти завизжала от восторга. — Тогда в 18:30, ТЦ «Свечка», большой зал. Ты точно идешь? А то если передумаешь, я тебя найду и лично притащу за шиворот!

Я рассмеялась, оглядываясь на дверь кабинета.

— Иду, иду, — зашикала я в трубку, представляя, как Олимпиец сейчас сидит за своим столом, сжав зубы, и мысленно добавляет этот разговор к списку моих «прегрешений». — Встретимся у кинотеатра, ладно?

— Ладно! — Настя хихикнула. — Только, пожалуйста, не опаздывай. Ты же знаешь, как я ненавижу ждать.

— Постараюсь, — пообещала я.

Я убрала телефон, глубоко вздохнула и вернулась в кабинет.

Вскоре наша рабочая обстановка резко изменилась.

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет вошла высокая темноволосая женщина.

Она была... идеальна.

Строгий, но безумно дорогой костюм, каблуки, от которых мои ноги бы сломались через пять минут, и взгляд. Холодный, оценивающий, сверху вниз.

Ее карие глаза скользнули по мне, словно я была пылью на полу, после чего она медленно, с грацией пантеры, направилась к столу Олимпийца.

— Доброе утро, Са... Александр Сергеевич, — произнесла она, чуть запнувшись.

Олимпиец поднял голову - и замер. Его пальцы застыли над клавиатурой, а в глазах... я никогда не видела в них такого выражения. Нежность? Уважение? Что-то неуловимое, но заставившее мое сердце сжаться.

— Доброе утро, — ответил он, и его голос звучал... мягко? Со мной, конечно, никто не поздоровался.

Я сделала вид, что погружена в бумаги, но краем глаза видела, как он не отрывает от нее взгляд.

— Аврора, — вдруг раздался его голос, заставив меня вздрогнуть. — Вас просили зайти в кадры. Вы, кажется, забыли подписаться какие-то бумаги.

Я удивилась. Все утро он делал вид, что я — невидимка, а теперь вдруг вспомнил?

— Хорошо, — кивнула я и вышла, чувствуя, как за моей спиной повисло молчание.

В кадры я успела в последний момент — девушки уже собирались на обед. Расписавшись в документах, я не стала возвращаться. Нутром чувствовала — сейчас там мне будут не рады.

Я вышла на улицу. Солнце слепило глаза, а ветер трепал волосы. Центр столицы — это каменные джунгли. Высокие здания из стекла и бетона, редкие клумбы с цветами, шум машин и гул голосов. Но это мой город. Здесь я родилась. Здесь выросла. Даже среди этого хаоса он был прекрасен.

Я зашла в уютное кафе с панорамными окнами, где золотистый свет люстр мягко смешивался с дневным освещени-

ем. Аромат свежесваренного кофе и теплой выпечки окутал меня, как успокаивающее одеяло. Выбрав столик у самого окна, я заказала свежий греческий салат с оливками и фетой, а на первое - нежный тыквенный суп-пюре, который подали с хрустящими домашними сухариками и каплей сливок.

За соседним столиком сидел деловой мужчина в идеально сидящем костюме. Он нервно постукивал пальцами по столу, попеременно бросая взгляды на часы и на экран ноутбука.

Чуть дальше расположилась компания студентов. Две девушки и парень смеялись, перебивая друг друга, их лица светились неподдельной радостью. Одна из девушек что-то оживленно рассказывала, размахивая руками, а остальные заливались смехом.

Но больше всего мое внимание привлекла пара у входа. Молодой человек что-то шептал на ухо своей спутнице, от чего она застенчиво опускала глаза и улыбалась уголками губ. Он нежно придерживал ее за локоть, словно боялся, что она может исчезнуть.

"Когда-нибудь и у меня будет так?" - промелькнула мысль.

Кабинет встретил меня гулкой тишиной. Олимпийца уже не было - его кресло стояло пустым, компьютер выключен, на столе лишь аккуратная стопка документов, ожидающих моего внимания.

Я медленно подошла к своему рабочему месту, чувствуя

странную пустоту. Почему его отсутствие так на меня влияет?

Звонок телефона резко оборвал мои мысли.

— Меня сегодня не будет. Подшей документы и можешь быть свободна. Не забудь закрыть кабинет.

Я замерла, сжимая трубку. В голове тут же всплыл образ той женщины - элегантной, уверенной в себе, той, на которую он смотрел с таким... с таким выражением...

— Хорошо... — мой ответ прозвучал глухо, почти шёпотом.

Связь прервалась, а я продолжала стоять с телефоном в руке.

Я медленно опустилась в кресло, глядя на пустое место напротив.

Куда он ушел? Один или с этой женщиной?

Эти вопросы не давали мне покоя.

Стопка бумаг постепенно уменьшалась. Последний документ был подшит, компьютер выключен. Я задержалась на пороге, оглядывая пустой кабинет, прежде чем выключить свет и закрыть дверь.

Торговый центр встретил меня яркими витринами, музыкой из магазинов, смехом, голосами посетителей... Я бродила между рядами, разглядывая пеструю толпу, как вдруг...

Среди толпы, заполнявшей просторный торговый центр, мое внимание внезапно привлекла знакомая высокая фигура. Я замерла на месте, будто пораженная молнией.

Олимпиец.

Здесь. Сейчас.

Он выглядел... иначе. Без строгой белой рубашки, в простой темно-синей футболке и джинсах. Его осанка была менее официальной, движения - более раскованными.

"Что он здесь делает?" - пронеслось в голове, пока я машинально пряталась за рекламным стендом, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

Мой взгляд скользнул дальше - и тут же остановился на ней.

Та самая женщина.

Вместо строгого офисного костюма теперь на ней было воздушное шифоновое платье нежного персикового оттенка. Легкая ткань едва достигала колен, игриво обнажая стройные ноги в лаковых туфлях. Узкий пояс подчеркивал тонкую талию, а свободный крой верхней части платья намекал на изящные изгибы фигуры.

Они о чем-то разговаривали.

Олимпиец что-то объяснял, взлохматив свои светлые волосы. Она же лишь слушала, изредка кивая, и улыбалась той самой королевской, снисходительной ухмылкой, которая так резанула меня в офисе.

И вдруг...

Он повернул голову.

Наши взгляды встретились через толпу.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на за-

мешательство.

Незнакомка, следуя за его взглядом, тоже повернулась ко мне. Ее губы изогнулись в презрительную ухмылку, а брови едва заметно приподнялись - мол, "и что ты здесь забыла?"

Она что-то шепнула ему на ухо, и они развернулись, направляясь к выходу. Ее рука легла на его локоть - властно, но с каким-то неприятным, собственническим жестом.

А я стояла, словно вкопанная.

Неужели... они вместе?

Саша

Я проснулся с ощущением, будто по моей голове проехался каток. Вчерашний день выдался адским — сначала до часу ночи с ребятами искали Яну, потом до трех разбирался с глючащими серверами. Домой приполз только к четырем, успев выкроить жалкие три часа сна перед новым рабочим днем.

— Сергей, я же четко сказал — это не проблема с DNS! Смотри лог-файлы с 2:34! Нет, не перезагружай...

Бросил телефон на стол так, что Аврора вздрогнула за своим рабочим местом. Эта рыжая стажерка сегодня вела себя тише воды — даже поздоровалась без привычного дурацкого заискивания. Хотя... может, я просто слишком злой сегодня?

— Аврора, возьми эти документы и разбери по папкам, — бросил я ей очередное никому не нужное задание, лишь бы не мешалась под ногами.

Внезапно ее телефон заиграл какую-то дурацкую попку. Она испуганно посмотрела на меня, схватила гаджет и выскочила в коридор, как ошпаренная.

"Черт, да что со мной сегодня?" — провел рукой по лицу. Недосып, стресс, вечные проблемы... Но это же не повод орать на людей.

Аврора, закончив разговор, снова юркнула на свое место и уткнулась в бумаги. Вчера утром звонила бабуля — спрашивала, как там ее «Аврорушка». Как как... Нормально. Бегаёт по Москве, как заяц, выполняет поручения, старается.

Я отвлекся от монитора и незаметно стал рассматривать эту странную девчонку. Светлая кожа, усыпанная веснушками, будто кто-то аккуратно нанес их кисточкой. Рыжие кудрявые волосы были собраны в небрежный хвост, но несколько непослушных прядей все равно выбились и теперь свисали на виски, касаясь тонкой шеи. Она то и дело машинально заправляла их за ухо, поправляла огромные круглые очки и снова погружалась в документы.

Чудачка.

Я хмыкнул про себя и вернулся к работе, но ненадолго.

Тишину кабинета прорезал резкий стук каблучков.

Знакомый звук.

Даже не поднимая головы, я почувствовал, как воздух в комнате изменился — наполнился густым ароматом дорогих духов, смешанным с легкой ноткой чего-то опасного. Поднимаю глаза — Карина.

Мое сердце екнуло. Она никогда не заходила без предупреждения.

"Нам нужно поговорить," — сказала она глазами.

Я вдруг вспомнил, что кадровики просили отправить к ним Аврору.

— Аврора. В кадры сходите. Там... подпись нужна. — сказал я, наблюдая, как она недовольно поджала губы, но покорно встала.

Как только дверь закрылась, Карина щелкнула замком и...

— Обиделся? — через минуту спросила она, отрываясь от поцелуя.

— На что? — удивился я.

— Ладно, малыш, без обид, — она игриво щелкнула меня по носу. — Кто знал, что у мужа отменится командировка?

— Карина, мне надоело скрываться, — вырвалось у меня.

Она тут же надула губы:

— Ты же знаешь, что от мужа я не уйду. Мне с ним... удобно. Как в старых домашних тапочках. А ты... — она провела пальцем по моей груди, — ты у меня для души.

Эти слова резанули, как нож. Я ведь всерьез рассматривал ее как будущую жену, а для нее я всего лишь... развлечение.

— Нам нужно поговорить, — начал я серьезно.

— О чем? — она продолжала улыбаться, взлохмачивая мои волосы.

— Здесь неудобно, Аврора может вернуться.

— Кстати, что это за чудо-юдо? — Карина фыркнула.

— Просто стажер.

— Слишком уж внимательно она на тебя смотрит, — Карина подняла бровь.

— Не говори глупостей.

— Ну-ну, — она взяла сумочку. — Сегодня после работы я буду в ТЦ 'Свечка'. Можем поговорить там. В семь?"

Я лишь кивнул.

Надо заканчивать.

Эта мысль крутилась в голове уже несколько недель, как заезженная пластинка. Каждый раз, когда я видел Карину, она становилась все громче, все настойчивее.

Слишком сложно. Слишком надрывно.

Я вспомнил наши месяцы, проведенные вместе, — встречи украдкой, быстрые поцелуи в лифте, ее звонки среди ночи: "Муж уехал, приезжай". Потом — утро, холодная постель и ее фраза: "Ты же понимаешь, нам нужно быть осторожнее".

Мне это не нужно.

Я хотел другого. Простых утренних чашек кофе на кухне. Спокойных разговоров перед сном. Возможности не прятаться, не врать, не делить ее с кем-то еще.

Торговый центр встретил меня шумом и суетой. Карина ждала у ювелирного, разглядывая кольца. Увидев меня, она радостно замахала рукой, демонстрируя новую покупку — массивное кольцо с изумрудом.

И вдруг...

Затылок будто обожгло. Обернувшись, я увидел Аврору, которая стояла в десяти метрах.

— Ой, какие люди! — ехидно заметила Карина.

— Пойдем отсюда, — резко сказал я. — Через дорогу есть кафе.

Но Карина, вопреки всем нашим правилам конспирации, нарочито взяла меня под руку и пошла к выходу, бросая через плечо победный взгляд в сторону моей стажерки.

Разговор с Кариной получился... неожиданным. Со стороны это могло выглядеть как сцена из плохой мелодрамы — я сохранял ледяное спокойствие, в то время как она буквально кипела от возмущения.

— Знаешь что? — ее голос дрожал от ярости, когда она встала, чуть не опрокинув стул. — Это не ты меня бросаешь, а я тебя!

Салфетка, брошенная мне в лицо, мягко упала на стол. Затем — резкий поворот, и вот уже ее каблук громко цокает по мраморному полу, удаляясь. Последнее, что я увидел — как ее стройная фигура растворяется в вечерней толпе.

Я провел рукой по волосам, произвольно взъерошивая светлые пряди. Правильное ли решение я принял?

Чтобы не дать себе возможности сомневаться, я встал и направился к выходу. Сегодняшний вечер явно требовал нестандартного подхода — вопреки своему обычному графику, я решил отправиться в бассейн. Мышцы, затекшие от долгого сидения в офисе, буквально требовали нагрузки,

а мозг, перегруженный эмоциями — полного отключения. Спорт всегда был моим самым надежным антидепрессантом.

Вода встретила меня прохладными объятиями. Первые мощные гребки — и вот уже ритмичные движения вытесняют все мысли из головы. Только дыхание. Только вода. Только собственное тело, работающее как идеальный механизм.

С каждым новым заплывом напряжение сегодняшнего дня растворялось в голубой воде. Карина, ее гневные слова, этот дурацкий жест с салфеткой — все это теперь казалось чем-то далеким, почти незначительным.

Я задержался под водой на секунду дольше обычного, позволяя пузырькам воздуха медленно подниматься к поверхности. Когда наконец вынырнул, сделав резкий вдох, то почувствовал — вместе с водой смывается и последнее сомнение.

Да. Это было правильное решение.

Я оттолкнулся от бортика, снова уходя в глубину. На этот раз — уже без мыслей, без вопросов. Только ритм: вдох-выдох, гребок-толчок.

И странное, почти физическое ощущение — будто вместе с каждым движением сбрасываешь с себя что-то лишнее, ненужное. Остаётся только лёгкость.

И свобода.

Глава 11

Водная феерия

Аврора

Сюжет фильма так и не отпечатался в моем сознании. Вместо того чтобы следить за экранными страстями, я весь сеанс мысленно возвращалась к Олимпийцу. К его пронзительному взгляду. К той загадочной женщине. К их странному поведению в торговом центре. В голове крутился один и тот же вопрос: "Что между ними?" — и этот вопрос вытеснил все остальные мысли, включая сюжет кинокартины.

— Аврора, ты вообще смотришь? — шипела Настя, тыкая меня локтем в бок.

— Конечно! — врала я, автоматически хихикая в тот момент, когда весь зал смеялся.

— Ты даже не поняла, почему они смеются! — возмущенно прошептала она.

— Поняла! Ну... там про кота... или что-то в этом роде... — пробормотала я, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть один эпизод из того, что происходило на экране.

Из кинотеатра я вышла с мыслью, что не поняла вообще ничего из того, что посмотрела.

В общем, чтобы немного успокоиться, я решила сегодня сходить в бассейн. После того случая я не бросила плавание, а просто перестала ходить по утрам — слишком велик был

риск снова встретить начальника. Зато последний сеанс — идеальное время: мало людей, значит, меньше шансов, что кто-то будет пялиться на мои пышные формы, неуклюже барахтающиеся в воде.

Сполоснувшись в душе, я героически натянула купальник. Да, тот самый, который мне мал. А натягивать на мокрую кожу купальник, особенно тот, который и так еле сходится, — то еще удовольствие.

— Ну давай же, — прошипела я, пытаюсь застегнуть верхнюю часть, которая упорно не хотела закрываться. — Ты же должен... ну пожалуйста...

Щелк.

Ура! Победа. Правда, теперь я чувствовала себя, как сосиска в тугой оболочке, но хоть не разваливаюсь на части.

Шапочка... О, это отдельная история. Сколько бы я ни запихивала в нее свои кудри, всегда торчат какие-то непослушные пряди, как антенны, ловящие сигналы из космоса.

Все дорожки были заняты. «Ну что за невезение!» — подумала я. Выбрав крайнюю правую, я осторожно начала спускаться в воду. Какой-то пловец мощными гребками рассекал воду.

«Самое главное, Аврора, — не столкнуться с ним», — пробормотала я, медленно ступая по лестнице.

Вода оказалась холоднее, чем я ожидала.

— Бррррррр! — кожа моментально покрылась мурашками.

Толчок — и я поплыла. То ли по-собачьи, то ли по-кошачьи, но главное — плыла!

Я плыла, погруженная в свои мысли (на этот раз не о начальнике, а о том, как бы не утонуть на этих несчастных двадцати пяти метрах). Очки дико запотели, поэтому каждые пять метров мне приходилось цепляться за бортик и протирать их, фыркая, как раздраженная выдра.

И тут... звук воды. Быстрый, четкий. Кто-то плыл за мной.

И плыл **ОЧЕНЬ** быстро.

Я замерла, прижавшись к бортику.

«Что делать? Куда плыть? Может, просто нырнуть и не выныривать?» — панически соображала я, чувствуя, как мое сердце сейчас выпрыгнет из груди.

В этот момент моя рука соскользнула с бортика, и я начала тонуть. Нет, серьезно, это было не элегантное погружение, а какое-то хаотичное барахтанье, как если бы медузу внезапно ударило током.

— Ааааа!

Я била руками по воде, пытаюсь вынырнуть, но паника уже захлестнула меня сильнее, чем вода.

Вдруг чья-то сильная рука обхватила мою талию и резко выдернула меня на поверхность.

Вдох!

Я хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Вода стекала с очков, и перед моими глазами постепенно проступали черты...

Олимпийца.

— Вы в порядке? — его голос звучал... обеспокоенно?
Я быстро протерла очки и встретила с ним взглядом.
Глаза в глаза.

Он узнает меня!!!!

Он узнал меня.

О МОЙ ГАД ... — пронеслось в голове.

Я инстинктивно попыталась закрыть лицо руками, наивно полагая, что если я не вижу его, то и он меня не узнает.

— Аврора! — его голос прозвучал так, что даже вода вокруг нас, кажется, замерла. — Так это была ты!!!

Занавес.

Я все еще была в воде, с одной стороны прижатая бортиком бассейна, с другой — грудью моего начальника. Его крепкая рука все еще оставалась на моей талии, другая держалась за бортик рядом с моим лицом. Мы были так близко, что я видела, как пульсирует вена на его шее.

Его голубые глаза внимательно меня рассматривали. Сначала лицо, потом спустились ниже...

А я — вся обтянутая купальником, мокрая, с торчащими во все стороны волосами — не знала, как мне выкрутиться из этого щекотливого положения.

Закончив осматривать мои "полушария" (даже несколько не смутившись), Олимпиец посмотрел мне в глаза, и вдруг... его губы дрогнули.

— Что, Аврора, решила опять посмотреть на мужские

ягодицы? — произнес он с едва заметной усмешкой.

— Я... э... — выдавила из себя.

— Моих тебе было недостаточно? — продолжил он подтрунивать.

Я почувствовала, как мои щеки (и даже веснушки!) начинают алеть.

— Отпустите! — пискнула я, пытаюсь оттолкнуть его, чтобы вылезти из воды.

Но он все так же продолжал меня держать.

— Как же я могу? Ты ведь опять начнешь тонуть.

— Не начну!

Он тихо рассмеялся.

А я уставилась на него, глупо хлопая ресницами. Какая же у него красивая улыбка. Это ведь первый раз, когда я вижу, как он улыбается.

— Ну ладно, — наконец сжалился он надо мной. — Плы-ви, давай, золотая рыбка...

Я дернулась, быстро перебирая руками и ногами, бросилась к лестнице, вскарабкалась по ней и умчалась в женскую душевую, оставив позади моего начальника, который, кажется, все еще смеялся.

Саша

Я снова нырнул под воду. Тысяча метров уже позади — осталось проплыть столько же. Мышцы приятно напряжены, а в голове лишь одна мысль: «Вдох... выдох...».

Плыл на автопилоте, пока не заметил какое-то странное

существо на дорожке. Кто-то барахтался у бортика, периодически хватаясь за него. "Еще один неумеха", - подумал. Но когда этот "неумеха" вдруг начал тонуть, я инстинктивно рванул вперед.

Вытащив бедолагу на поверхность, я сначала не понял, кого держу за талию. Потом поднял очки - и обомлел. Аврора. Моя стажерка. В мокром купальнике, с выбившимися из шапочки рыжими локонами и круглыми, как блюдца, глазами.

Мои пальцы непроизвольно сжались, ощущая, как её тело напряглось в моих руках — будто пойманная птица, готовая взметнуться в небо при первой же возможности. И в этот момент наши взгляды столкнулись.

Её глаза — огромные, словно два озера, — казалось, заполнили собой всю оправу очков. И прежде, чем я успел что-то сказать, она дёрнулась, пытаясь прикрыть лицо ладонями. Вспышка. Будто молния ударила прямо в сознание. Обрывки памяти — запах хлорки, холод ягодиц, мокрые волосы, прилипшие к щекам...

«Да ладно!!! Трижды “ха”!!!» — промелькнуло у меня в голове.

— Так это была ты?

Голос сорвался громче, чем я планировал, и следом вырвался смех — глухой, почти неконтролируемый. Я не мог поверить. Та самая неуклюжая девчонка, которая несколько дней назад чуть не раздела меня ... И вот она в моих руках.

Я не спеша провёл взглядом по её фигуре, отмечая каж-

дую деталь.

Шапочка — нелепо сползшая набок, из-под которой торчали непослушные рыжие пряди, словно антенны, улавливающие сигналы вселенского хаоса.

Купальник — тёмно-синий, откровенно обтягивающий, подчёркивающий каждую линию тела. Особенно... верхнюю часть.

Дыхание — учащённое, грудь вздымалась так быстро, что её мягкие окружности буквально терлись о мою кожу, заставляя кровь приливать... Хорошо, что я был в воде!

— Что, Аврора, — не удержался я, — опять решила изучить мужские достоинства вблизи?

Её щёки вспыхнули.

— О-отпустите... — её голосок больше напоминал писк мыши, попавшей в лапы кота.

Она дёрнулась, пытаясь выскользнуть, но я лишь крепче прижал её к себе.

— Как же я могу? Ты ведь опять начнешь тонуть. — мои пальцы скользнули по её талии, ощущая дрожь под кожей.

— Не начну! — в её голосе прозвучала мольба.

Я вздохнул, разжал руки.

Она рванула к лестнице. Вода хлупала, брызги летели во все стороны, а я стоял, держась за бортик, и наблюдал за этим «заплывом» с неподдельным удовольствием.

«Эта девчонка — ходячая катастрофа. Магнит для неприятностей. И... чертовски забавная».

— Плыви, давай, золотая рыбка...

Мои слова растворились в тихом плеске воды, прежде чем я глубоко вдохнул и нырнул в прохладную гладь бассейна. Холод мгновенно обнял мою кожу, смывая напряжение, но не смог унять странное тепло, разливавшееся внутри.

Я проплыл несколько метров под водой, ощущая, как мышцы расслабляются после этой нелепой сцены. Пузырьки воздуха серебристой россыпью убегали к поверхности, а в ушах стоял ровный гул тишины. "Чёрт, ну и история..."

"Беги, маленькая рыжая катастрофа. Но мы ещё встретимся..." — прошептал я и снова ушёл под воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.